

Насилие и компенсация: практика и проблемы негосударственных вооруженных групп, участвующих в возмещении ущерба

Люк Моффетт*

Люк Моффетт — старший преподаватель права в Королевском университете Белфаста и ведущий научный сотрудник проекта «Возмещение ущерба, ответственность и психология жертвы в переходных обществах», финансируемого Исследовательским советом Великобритании по искусству и гуманитарным наукам. В качестве специалиста по правосудию переходного периода и международному гуманитарному праву работает с различными группами жертв, правительственными органами и бывшими участниками боевых действий по вопросам, связанным с возмещением ущерба и взаимодействия с сообществами, пережившими конфликт.

* Искренне благодарю Катарину Фортин, Кирана Мак-Эвоя, Шерил Лоутер и Кевина Харти за их замечания к настоящей статье. Статья была представлена в виде доклада на конференции Ассоциации социально-правовых исследований в Лидсе в 2019 году, а также в Женевской академии в июне 2019 года в рамках семинара, организованного совместно с Кларой Сандовал, Томасом Унгером, Франком Хальдеманном, Анниссой Беллал и Марко Сассоли. Я благодарен участникам за их отзывы об этих мероприятиях, а также за конструктивные замечания анонимных рецензентов и редакционной коллегии. Практический опыт, описанный в этой статье, получен в ходе реализации проекта «Возмещение ущерба, ответственность и психология жертвы в переходных обществах», финансируемого Исследовательским советом Великобритании по искусству и гуманитарным наукам (АН/P006965/1).

Аннотация

Зверства, совершенные негосударственными вооруженными группами (НВГ), часто привлекают внимание мирового сообщества, тогда как попытки компенсировать нанесенный ими ущерб во многих случаях остаются незамеченными. В настоящей статье описываются некоторые виды практических особенностей и сложностей, возникающих у негосударственных вооруженных групп при возмещении ущерба в военное время и в переходный период после окончания конфликта. Автор статьи утверждает, что участие в возмещении ущерба, нанесенного негосударственными вооруженными группами, не только способствует более строгому соблюдению международного гуманитарного права, но и позволяет обеспечить поддержку среди гражданского населения в ходе вооруженного конфликта и облегчить реинтеграцию бывших участников военных действий после их окончания. Кроме того, в настоящей статье, написанной по материалам бесед с представителями ряда вооруженных групп, выдвигается тезис о том, что взаимодействие с самой организацией вооруженной группы, а не с отдельными лицами, может более эффективно мотивировать группу как коллектив и создать потенциал возмещения ущерба, в том числе возвращения пропавших без вести, возврата имущества и принесения извинений. Статья подготовлена с целью содействовать более глубокому пониманию практики возмещения ущерба негосударственными вооруженными группами, чтобы разобраться в том, как осуществлять посредническую деятельность при возмещении ущерба и разработать соответствующую иерархию обязательств.

Ключевые слова: негосударственные вооруженные группы, возмещение ущерба, мятежное правительство, правосудие переходного периода.

В рамках международного права общепризнано, что при участии в вооруженном конфликте негосударственные вооруженные группы несут обязательства в области международного гуманитарного права (МГП). Все больше внимания стал привлекать вопрос о том, распространяются ли на них также и обязательства в области защиты прав человека¹. В то же время наличие у них обязательства в отношении прекращения насилия и компенсации вреда изучалось не столь пристально и остается спорным. Звучали заявления о том, что идея возмещения ущерба² негосударственными вооруженными группами обречена на неудачу: не зафиксировано «практи-

1 См.: Tilman Rodenhäuser, *Organizing Rebellion: Non-State Armed Groups under International Humanitarian Law, Human Rights Law, and International Criminal Law*, Oxford University Press, Oxford, 2018, pp. 154–157; Ben Saul, “Enhancing Civilian Protection by Engaging Non-State Armed Groups under International Humanitarian Law”, *Journal of Conflict & Security Law*, Vol. 22, No. 1, 2017, p. 41.

2 Возмещение ущерба означает меры, принимаемые вооруженными группами для компенсации причиненного ими вреда или страданий в какой-либо форме, за которые они несут ответственность.

чески ни одного случая» такого возмещения³, пострадавшие не могут его взыскать⁴, или же требовать компенсации от виновных не представляется необходимым⁵.

Несмотря на это негосударственные вооруженные группы возмещают ущерб в военное время и после окончания конфликта. Пренебрегать этой практикой значит упускать из виду цель возмещения ущерба как одной из форм правосудия и политического проекта, который направлен на признание и максимально возможное возмещение вреда, нанесенного жертвам ответственным актором, и способен восстановить социальные и нравственные отношения между отдельными лицами и институтами⁶. Если не добиваться возмещения ущерба негосударственными вооруженными группами, их жертвы могут не получить доступа к эффективным средствам восстановления справедливости, таким как определение местонахождения останков пропавших без вести людей⁷. Следовательно, возмещение ущерба полезно не только для пострадавших, но, как утверждается в настоящей статье, и для самих негосударственных вооруженных групп, поскольку помогает им наладить отношения с гражданскими лицами в ходе конфликта, обеспечить себе политических сторонников среди населения и социальную реинтеграцию по окончании военных действий⁸. Возмещение ущерба позволяет НВГ скорректировать свой имидж, разглядев в своих неправомерных действиях не только источник стыда и унижения, но и возможность исправить содеянное.

Важно отметить, что возмещение ущерба за нарушение норм и признание своих неправомерных действий со стороны негосударственных вооруженных групп может стать для них практическим способом укрепить соблюдение гуманитарных норм и принять их в качестве внутренних правил⁹. Если подойти к этому вопросу с практической точки зрения, посмотрев на него глазами вооруженных групп и с опорой на их идеологию, мировоззрение или обычаи, это может способствовать тому, что они примут на себя

3 Джиллард, Эмануэла-Кьяра. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. Т. 85, № 851, 2003. С. 272.

4 Cecily Rose, "An Emerging Norm: The Duty of States to Provide Reparations for Human Rights Violations by Non-State Actors", *Hastings International and Comparative Law Review*, Vol. 33, No. 2, 2010, p. 309.

5 Maria José Gueembe and Helena Olea, "No Justice, No Peace: Discussion of a Legal Framework regarding the Demobilization of Non-State Armed Groups in Colombia", in Naomu Roht-Arriaza and Javier Mariezcurrena (eds), *Transitional Justice in the Twenty-first Century*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006, p. 136.

6 См.: Pablo de Greiff, "Justice and Reparations", in P. de Greiff (ed.), *Handbook of Reparations*, Oxford University Press, Oxford, 2006.

7 Ron Dudai, "Closing the Gap: Symbolic Reparations and Armed Groups", *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 883, 2011, p. 785.

8 Негосударственные вооруженные группы могут возмещать ущерб бойцам противника, особенно после окончания военных действий, однако это может быть затруднительно, поскольку в таком случае им придется признать свою ответственность и факт причинения вреда противнику. См.: "Colombian Ex-Farc Rebels 'Ashamed' of Kidnappings", *BBC News*, 15 September 2020, доступно по адресу: www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-54160284 (все ссылки на интернет-ресурсы приводятся по состоянию на май 2022 г.).

9 В. Saul (примечание 1 выше), p. 64.

ответственность за соблюдение гуманитарного права ввиду личной заинтересованности¹⁰. Если же не уделять внимания исполнению гуманитарного права негосударственными вооруженными группами, сосредоточившись исключительно на государствах, это поставит под угрозу легитимность механизмов гуманитарного права, поскольку в них будет замечен перекося в сторону государств¹¹. В настоящей статье обсуждение возмещения ущерба помещается в контекст растущего числа материалов по поводу представительства гражданского населения и его взаимоотношений с вооруженными группами в ходе конфликта, в условиях мятежного правительства и в рамках правосудия переходного периода.

Несмотря на рост внимания к негосударственным вооруженным группам, анализа, направленного на выработку теоретического или прагматического подхода к определению взаимосвязи между их юридической ответственностью в рамках МГП или, возможно, права прав человека с вторичными нормами, касающимися возмещения ущерба, почти не проводилось¹². На самом деле, «не предпринималось никаких согласованных действий для выработки нормативной доктрины или практических способов, позволяющих вооруженным группам принять меры в целях возмещения ущерба потерпевшим»¹³. В настоящей статье содержатся материалы, призванные восполнить эти пробелы не только посредством абстрактных рассуждений, но и за счет изучения практики возмещения ущерба во время конфликта и после его окончания. При подготовке статьи использованы материалы бесед с представителями 16 негосударственных вооруженных групп из 9 стран¹⁴, научные работы более общего характера и первичные документы, в том числе кодексы поведения, внутренняя политика и официальные сообщения.

В начале статьи кратко изложены возможные правовые основы обязательств негосударственных вооруженных групп, связанных с возмещением ущерба, в рамках МГП и права прав человека. В процессе выявляются ограничения в отношении вторичных обязательств негосударственных вооруженных групп по возмещению ущерба несмотря на то, что они несут ответственность за правонарушения. В результате выдвигается тезис о возможном определении иерархии возмещения ущерба в зависимости от возможностей группы, чтобы данная мера воспринималась как способ посредничества, а не просто как юридическое обязательство. Затем в статье исследуются работы,

10 Katharine Fortin, “Armed Groups and Procedural Accountability: A Roadmap for Further Thought”, *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 19, 2016, p. 158.

11 Pascal Bongard and Jonathan Somer, “Monitoring Armed Non-State Actor Compliance with Humanitarian Norms: A Look at International Mechanisms and the Geneva Call Deed of Commitment”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 883, 2011, p. 675.

12 См.: Laura Íñigo Álvarez, *Towards a Regime of Responsibility of Armed Groups in International Law*, Intersentia, Cambridge, 2020.

13 Ron Dudai and Kieran McEvoy, “Thinking Critically about Armed Groups and Human Rights Praxis”, *Journal of Human Rights Practice*, Vol. 4, No. 1, 2012, p. 18.

14 Среди респондентов были выходцы из Непала, Эфиопии, Перу, Колумбии, Ливана, Гватемалы, Уганды, Северной Ирландии и Южного Судана — рядовые и старшие командиры, принимавшие участие в мирных переговорах, мужчины и женщины, коренное население и бывшие дети-солдаты.

посвященные вооруженному насилию и сдержанности; благодаря этим источникам вскрывается более сложная картина взаимоотношений между негосударственными вооруженными группами и гражданскими лицами в ходе конфликта. Во втором разделе говорится о мотивах негосударственных вооруженных групп, побуждающих их к возмещению ущерба в ходе конфликта по идеологическим причинам, в целях удержания или укрепления власти либо для улучшения восприятия группы. Мы признаем, что на практике существует ряд сложностей, факторов риска и издержек. В третьем разделе приведены критические рассуждения по поводу сложившейся практики возмещения ущерба негосударственными вооруженными группами по окончании конфликта, когда военные действия уже прекращены и складывается политическое пространство для обсуждения вопроса компенсаций. В заключение мы рассуждаем о том, как в дальнейшем организовать возмещение ущерба вооруженными группами и привить им чувство ответственности за компенсацию вреда, причиненного насилием.

Возмещение ущерба, негосударственные вооруженные группы и международное право

Юридический анализ негосударственных вооруженных групп и возмещения ущерба преимущественно сводится к ответственности таких акторов и их обязательствам в рамках международного права¹⁵. Подробное изучение права и негосударственных вооруженных групп не входит в задачи настоящей статьи¹⁶. Вместо этого мы попытаемся взглянуть на данную проблему с другой стороны, опираясь на материалы бесед с представителями НВГ, чтобы по-новому оценить их роль с точки зрения возмещения ущерба. Такой подход «снизу вверх» разительно отличается от анализа с позиции международного права, в котором не признается легитимность подобных групп в связи с риском оправдать насилие или подорвать авторитет государства; подобный подход не позволяет интегрировать НВГ в международный правопорядок¹⁷. При этом еще со времен Второй мировой войны основной формой вооруженных конфликтов являются немеждународные вооруженные конфликты¹⁸. Пренебрежение ответственностью НВГ может

15 См.: Liesbeth Zegveld, *The Accountability of Armed Organised Groups in International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2002.

16 См. статью Оливии Херман в этом номере журнала.

17 Daragh Murray, “Engaging Armed Groups through the Development of Human Rights Obligations: Incorporating Practice, Motivation and Ideology to Promote Compliance with International Law”, *Yearbook of International Humanitarian Law*, Vol. 19, 2016, p. 124.

18 В городе Мисрате (Ливия) в 2011 г. в какой-то момент присутствовало 236 вооруженных групп (см.: Brian McQuinn, *After the Fall: Libya's Evolving Armed Groups*, Small Arms Survey Working Paper No. 12, 2012, p. 13). В 2018 г. в мире были зафиксированы: 51 немеждународный вооруженный конфликт, 7 международных вооруженных конфликтов и 11 случаев оккупации территории противником (см.: Annysa Bellal, *The War Report: Armed Conflicts in 2018*, Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights (Geneva Academy), Geneva, 2019, pp. 32–34). См. также: ICRC, *ICRC Engagement with Non-State Armed Groups: Why, How, for What Purpose, and Other Salient Issues*, ICRC Position Paper, Geneva, March 2021.

быть «опасно»¹⁹. Негосударственные вооруженные группы способны разворачивать военное присутствие, контролировать территорию, оказывать услуги и самостоятельно вести судебные разбирательства, в результате чего они становятся похожими на государство в рамках своей собственной юрисдикции. Это означает, что некоторые НВГ управляют миллионами людей, а некоторые годами и даже десятилетиями могут существовать только внутри общин.

Формулировки юридических обязательств НВГ предполагают, что для концептуальных и практических целей эти формирования считаются полноценными акторами. Однако их разнородность, неоднозначность и даже преходящий характер возможностей и существования затрудняют использование такой основы для анализа. Негосударственные вооруженные группы, мятежники и повстанцы по-прежнему не определены в международном праве²⁰. К НВГ могут относиться вооруженные борцы за свободу, занявшие значительную территорию, военизированные или общинные оборонные организации, небольшие группировки или мафия, которые держат под контролем несколько кварталов города и даже группы наемников²¹. По словам Роденхойзера, современные негосударственные вооруженные группы «менее структурированы, разрозненны или действуют в нечетко определенных условиях и преследуют различные цели»²². Разнородность и многочисленность вооруженных групп действительно затрудняют применение единого подхода в рамках международного права²³. Согласно праву прав человека негосударственные вооруженные группы не могут быть сторонами конвенций в области прав человека²⁴. Их обязательства в этой

19 Andrew Clapham, *The Rights and Responsibilities of Armed Non-State Actors: The Legal Landscape and Issues Surrounding Engagement*, Geneva Academy, Geneva, 2010, p. 3.

20 Jean D'Aspremont, "Rebellion and State Responsibility: Wrongdoing by Democratically Elected Insurgents", *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 58, No. 2, 2009, p. 433; L. Zegveld (примечание 15 выше), p. 134.

21 Annysa Bellal, "Non-State Armed Groups in Transitional Justice Processes: Adapting to New Realities of Conflict", in Roger Duthie and Paul Seils (eds), *Justice Mosaics: How Context Shapes Transitional Justice in Fractured Societies*, International Center for Transitional Justice, New York, 2017, p. 237.

22 T. Rodenhäuser (примечание 1 выше), p. 1.

23 В соответствии со статьей 3, общей для всех Женевских конвенций, вооруженные группы должны отвечать критерию наличия у них организованного командования, а конфликт должен достичь достаточной степени интенсивности; требование о контроле над территорией при этом отсутствует. См.: International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, *Prosecutor v. Tadić*, Case No. IT-94-1-AR72, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995, para. 70, and Case No. IT-94-1, Judgment, 7 July 1997, para. 562; International Criminal Court, *Prosecutor v. Lubanga*, Case No. ICC-01/04-01/06-2842, Judgment, 14 March 2012, para. 538. В статье 1 Дополнительного протокола II также определена основная сфера его применения как ситуация, в которой вооруженная группа осуществляет контроль над территорией и может «осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол».

24 См.: Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 г., ст. 4; Конвенция о защите внутренне перемещенных лиц в Африке и оказании им помощи, 2009 г.; *Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин*. Общая рекомендация № 30, касающаяся положения женщин в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях, 2013 г.; African Commission on Human and People's Rights, General Comment No. 4, "The Right to Redress for Victims of Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Punishment or Treatment (Article 5)", 2017.

сфере до сих пор оспариваются, а практика показывает, что некоторые из них существуют лишь в чрезвычайных обстоятельствах, когда подобные группы контролируют территорию и выполняют функции, аналогичные функциям государства или правительства²⁵.

У государств обязательства по возмещению ущерба, нанесенного действиями негосударственных вооруженных групп, возникают только в тех случаях, когда подобные действия могут быть приписаны государству. Кроме того, если НВГ становится новым правительством в государстве, ответственность за допущенные ею в прошлом нарушения несет государство. Это правило было сформулировано для обеспечения подотчетности²⁶, и маловероятно, чтобы оно применялось в ситуациях, когда вооруженная группа занимается разделением полномочий или приходит к власти в результате демократических выборов²⁷. Отдельные члены НВГ могут предстать перед Международным уголовным судом (МУС), привлекаются к уголовной ответственности за международные преступления и принуждаться к возмещению ущерба²⁸. Однако зачастую они слишком бедны, чтобы предоставить компенсацию²⁹. Следовательно, в международном праве до сих пор адекватно не сформулированы надлежащие параметры ответственности НВГ в части возмещения ущерба³⁰.

Обязательства НВГ в отношении возмещения ущерба до сих пор определены в международном праве довольно поверхностно. В МГП предусмотрен ограниченный объем возмещения ущерба исключительно в виде компенсации за правонарушения, совершенные в ходе международных вооруженных конфликтов, как указано в статье 91 Дополнительного протокола I, который не распространяется на НВГ и немеждународные вооруженные конфликты. Кроме того, в МГП ничего не говорится о праве отдельных лиц на возмещение ущерба, о механизмах правоприменения в отношении государств и о применимости правил о компенсации к немеждународным вооруженным конфликтам³¹. Эта ситуация меняется,

25 Брейтеггер, Александр. Правовые нормы, применимые в обстановке нестабильности и насилия, влияющей на оказание медико-санитарной помощи в условиях вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций // Международный журнал Красного Креста. Т. 95, № 889, 2014. С. 24–29. См. также статью Оливии Херман в этом номере журнала.

26 Комиссия международного права. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые на Пятьдесят третьей сессии КМП (2001 г.), ст. 10, перепечатано в: КМП. Ежегодник Комиссии международного права 2001 г. Т. II, часть вторая. ООН, Нью-Йорк/Женева, 2007, с. 56; J. D'Aspremont (примечание 20 выше), pp. 438–439.

27 См.: Luke Moffett, "Beyond Attribution: Responsibility of Armed Non-State Actors for Reparations in Northern Ireland, Colombia and Uganda", in Noemi Gal-Or, Cedric Ryngaert and Math Noortmann (eds), *Responsibilities of the Non-State Actor in Armed Conflict and the Market Place*, Brill, Leiden and Boston, MA, 2015.

28 Римский статут МУС, 1998 г. (Римский статут), ст. 75(2).

29 См.: Luke Moffett and Clara Sandoval, "Tilting at Windmills: Reparations and the International Criminal Court", *Leiden Journal of International Law*, 2021.

30 Agnes Callamard, "Towards International Human Rights Law Applied to Armed Groups", *Netherlands Quarterly of Human Rights*, Vol. 37, No. 1, 2019, p. 100.

31 Дополнительный протокол I, ст. 91, развивающая положения ст. 3 Гаагской конвенции IV. См.: Зегвельд, Лисбет. Средства судебной защиты жертв нарушений международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. Т. 85, № 851, 2003. С. 239–240.

но медленно³². В праве прав человека более четко зафиксировано обязательство государств возместить ущерб всем жертвам грубых нарушений прав человека в свете принципа субсидиарной ответственности государства за предоставление эффективного средства судебной защиты, тогда как в отношении НВГ подобные обязательства закреплены только в качестве рекомендательных заявлений. Например, в Основных принципах, принятых ООН в 2005 г., говорится о том, что ответственность за возмещение ущерба жертве или за выплату компенсации государству, если государство уже возместило ущерб жертве, несет «физическое лицо, юридическое лицо или иной субъект права»³³. Этот вопрос и вправду представляется замкнутым кругом, в рамках которого анализ выполняется с точки зрения государства, а не в целях обеспечения эффективного средства защиты интересов жертв³⁴. Комиссии по расследованиям все чаще призывают НВГ к возмещению ущерба, причиненного их нарушениями, посредством государственных программ³⁵. Один командир Революционных вооруженных сил Колумбии — Народной армии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo, РВСК-АН) выступил в поддержку этого тезиса, поскольку во время войны насилие совершалось «руками многих людей... творилось такое, чего ни за что нельзя было допускать. <...> Если кто-то убил человека, значит, он и должен платить; это не имеет никакого смысла. Ответственность за возмещение подобного ущерба всегда будет нести в первую очередь государство»³⁶. Просто признавая НВГ ответственными за возмещение ущерба, причиненного всеми их нарушениями, в той же мере, что и государства, мы упускаем из виду «своеобразный» характер каждой из этих групп³⁷. Выстраивание иерархии обязательств для НВГ могло бы помочь лучше учесть их возможности; при этом избежание соблюдения положений лишь по минимуму за счет добровольных взносов

32 См.: Lawrence Hill-Cawthorne, “Rights under International Humanitarian Law”, *European Journal of International Law*, Vol. 28, No. 4, 2017, pp. 1211–1212; International Law Association Committee on Reparation for Victims of Armed Conflict, Res. 2, “Declaration of International Law Principles on Reparation for Victims of Armed Conflict (Substantive Issues)”, 2010, Art. 5(2).

33 См. резолюцию 60/147 Генеральной Ассамблеи ООН «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права», док. ООН A/RES/60/147, 16 декабря 2005 г., принципы 15–16; Clara Sandoval, “International Human Rights Adjudication, Subsidiarity and Reparation for Victims of Armed Conflict”, in Cristián Correa, Shuichi Furuya and Clara Sandoval, *Reparation for Victims of Armed Conflict*, Max Planck Trialogues, Cambridge University Press, Cambridge, 2020, p. 182; см. также статью Оливии Херман в этом номере журнала.

34 А. Clapham (примечание 19 выше), p. 24.

35 Совет по правам человека. Доклад Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, док. ООН A/HRC/42/51, 15 августа 2019 г., с. 23; Human Rights Council, *Situation of Human Rights in Yemen: Report of the Detailed Findings of the Group of Eminent International and Regional Experts on Yemen*, UN Doc. A/HRC/42/CRP.1, 3 September 2019, para. 868 and p. 225.

36 Из беседы с женщиной-командиром из РВСК-АН, Богота, 27 февраля 2019 г.

37 Jann K. Kleffner, “The Collective Accountability of Organized Armed Groups for System Crimes”, in Harmen van der Wilt, André Nollkaemper, M. M. Dolman and Jann K. Kleffner (eds), *System Criminality in International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2009, p. 261.

позволило бы дополнить государственные программы возмещения ущерба, имеющие соответствующие финансовые возможности и поддержку.

Вместо того чтобы распространять существующие правовые режимы в их нынешнем виде и заставлять НВГ им соответствовать, возможно, эффективнее было бы рассмотреть практику самих вооруженных групп, чтобы выявить иерархию обязательств по возмещению ущерба, которые могли бы вписаться в какую-нибудь внутригосударственную программу компенсаций³⁸. Сассоли предлагает скользящую шкалу обязательств в зависимости от степени организованности вооруженной группы и стабильности контроля над территорией; эта шкала соответствует расширению применения МГП³⁹. Мاستородимос высказывает идею выделения различных слоев правозащитных обязательств в зависимости от возможностей НВГ⁴⁰. В свете обоих этих тезисов можно было бы изучить иерархию вторичных обязательств НВГ в зависимости от степени организованности, контроля над территорией и возможностей — от медицинской реабилитации до выплаты компенсаций и установки памятников. Это не отменяет обязательства государства учредить программу возмещения ущерба. Фортин предлагает разделить обязательства между двумя ответственными акторами, такими как государство и НВГ, в зависимости от их «потенциала и причастности», что могло бы компенсировать ограниченные возможности НВГ в сфере возмещения ущерба⁴¹. Следует с осторожностью формировать обязательства НВГ по возмещению ущерба, чтобы избежать институционального изоморфизма, выражающегося в приравнивании их к государственным обязательствам и в предъявлении требования к НВГ предоставить компенсацию «в полном объеме»⁴². Более эффективным способом заставить вооруженную группу принять существующие нормы может быть применение альтернативных механизмов подотчетности за счет более «персонализированных» решений с акцентом на «социальное взаимодействие», таких как акты о принятии обязательства организации Geneva Call⁴³. Это

38 Ezequiel Heffes and Brian Frenkel, “The International Responsibility of Non-State Armed Groups: In Search of the Applicable Rules”, *Goettingen Journal of International Law*, Vol. 8, No. 1, 2017, p. 69.

39 Сассоли, Марко. В поисках решения проблемы принципиального неравенства вооруженных групп и государств: скользящая шкала обязательств // *Международный журнал Красного Креста*. Т. 93, № 882, 2011. С. 233–234. Беллал и Роденхойзер утверждают, что расширение возможностей влечет за собой рост ожиданий в отношении соблюдения обязательств в области прав человека, чтобы избежать пробелов в защите (Annyssa Bellal, “Establishing the Direct Responsibility of Non-State Armed Groups for Violations of International Norms: Issues of Attribution”, in N. Gal-Or, C. Ryngaert and M. Noortmann (eds) (примечание 27 выше), pp. 308–309; T. Rodenhäuser (примечание 1 выше), pp. 148–149).

40 Konstantinos Mastorodimos, *Armed Non-State Actors in International Humanitarian and Human Rights Law*, Ashgate, Farnham, 2016, p. 185.

41 Katharine Fortin, *The Accountability of Armed Groups Under Human Rights Law*, Oxford University Press, Oxford, 2017, p. 67.

42 Paloma Blázquez Rodríguez, “Does an Armed Group Have an Obligation to Provide Reparations to Its Victims?”, in James Summers and Alex Gough (eds), *Non-State Actors and International Obligations*, Brill, Leiden, 2018, p. 424.

43 K. Fortin (примечание 10 выше), pp. 175–176. В четырех актах о принятии обязательства организации «Женевский призыв» затрагиваются вопросы, связанные с противопехотными минами и взрывными устройствами, образованием и защитой детей, сексуальным насилием

не означает, что подобные меры, принятые НВГ, имеют меньшую ценность, чем та компенсация, которую предоставляют жертвам государства, но надо признать, что они будут носить более ограниченный характер. Тем не менее возмещение ущерба негосударственными вооруженными группами может принести особую пользу или «добавленную ценность», такую как возвращение семейного гнезда, гарантия безопасного возвращения перемещенной семьи или публичное признание того, что убитый человек не был информатором.

Ценность признания таких коррективных мер «возмещением ущерба» состоит в создании нравственной основы и нормативного содержания, которые должны их характеризовать; к таким основам и содержанию можно отнести участие жертв, запрет дискриминации и использование надлежащих форм компенсации. Участие жертв служит гарантией того, что те, кто больше всего пострадал от конфликта, смогут внести свой вклад в эффективное определение надлежащих форм возмещения ущерба. Запрет дискриминации направлен на сокращение дополнительного вторичного вреда или исключения отдельных групп или лиц из программ возмещения ущерба. Под надлежащими формами возмещения ущерба понимаются меры, которые могут способствовать «настолько, насколько это возможно»⁴⁴ облегчению страданий жертв. Это дает пояснительный инструмент, с помощью которого НВГ могут постепенно развивать свою ответственность в рамках международного права и обеспечивать достаточное и эффективное возмещение причиненного жертвам ущерба⁴⁵. Кроме того, такие меры являются одним из способов покончить с безнаказанностью, поскольку негосударственным вооруженным группам в этом случае предлагается самостоятельно осмыслить нанесенный вред и цену, которую людям пришлось заплатить за их действия. В какой-то мере это может показаться утопичным, но вооруженные группы опосредованно применяют сдерживание и насилие. Кроме того, это соответствует все более распространенной среди вооруженных акторов практике возмещения ущерба в конфликтных ситуациях, чтобы облегчить страдания жертв⁴⁶. Ряд вооруженных групп, с представителями которых мы побеседовали, признавали и практиковали возмещение ущерба, чтобы «стать ближе гражданскому населению»⁴⁷, тогда

и гендерной дискриминацией, а также здравоохранением (см.: Geneva Call, “How We Work”, доступно по адресу: www.genevacall.org/how-we-work/). См. также: Pascal Bongard and Ezequiel Heffes, “Engaging Armed Non-State Actors on the Prohibition of Recruiting and Using Children in Hostilities: Some Reflections from Geneva Call’s Experience”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 101, No. 911, 2019.

44 Permanent Court of International Justice, *Germany v Poland*, “*The Factory at Chorzow*”, File E.c.XIII, Docket XIV:I, Judgment No. 13 (Claim for Indemnity, Merits), 13 September 1928, para. 125. В Основных принципах ООН 2005 г. (примечание 33 выше) описаны пять форм возмещения ущерба: реституция, компенсация, реабилитация, сатисфакция и гарантия неповторения случившегося (принципы 19–23). Они разработаны на основе практического опыта государств и судов по правам человека и отражают обязательства обеспечивать и соблюдать права человека.

45 L. Í. Álvarez (примечание 12 выше), pp. 194–195.

46 *Ibid.*, p. 161.

47 Из беседы с командиром Революционного движения имени Тупака Амару (Movimiento Revolucionario Túpac Amaru, MRTA), Лима, май 2019 г.

как другим была привита «культура компенсации» как нечто, что осуществляется «ради нашей же пользы, поскольку народ должен поддерживать нашу борьбу»⁴⁸.

Определение объема нарушений, за которые полагается компенсация, исключительно на основе международного права в случае НВГ может быть проблематичным, так как при этом не учитывается менее масштабный, но ощутимый вред, нанесенный гражданским лицам. Например, один из командиров РВСК-АН рассказал, как находившаяся под его командованием рота, которая состояла из 120 бойцов, прошла через поле одного фермера, и по дороге бойцы сорвали понемногу ягод. Каждый из них набрал всего горстку, но фермер недосчитался нескольких килограммов урожая. Во избежание обвинений командир сам заплатил фермеру, чтобы компенсировать ему убыток⁴⁹. В иерархии обязательств по возмещению ущерба нанесение вреда имуществу или его уничтожение могло бы считаться менее существенным нарушением, чем причинение увечья или смерти гражданскому лицу, и при этом отмечалось бы, что с точки зрения нравственности важно возместить урон, нанесенный гражданским лицам, даже если в рамках МГП он считается дозволенным.

Автор не пытается рисовать идиллическую картину, представляя негосударственные вооруженные группы образцами нравственности, или утверждать, будто их позиция тверда и неизменна. Вероятно, не все вооруженные группы желают или могут взаимодействовать с гражданскими лицами по поводу возмещения ущерба, а некоторые могут запугиваниями и насилием заставлять пострадавших отказаться от своих прав. Как сообщил один из командиров РВСК-АН, НВГ не «ангелы-хранители» гражданских лиц⁵⁰. Тем самым он спорит с Че Геварой, который как раз был убежден в том, что партизанская армия должна быть «ангелом-хранителем» гражданского населения⁵¹. Остается еще ряд трудностей, связанных с истребованием ущерба, например не всегда бывает известно, какая именно организация несет ответственность за то или иное нарушение⁵²; конфликт приводит к зыбкости и неопределенности, в результате чего на территориях, находящихся под контролем вооруженной группы, нарушается общественный и правовой порядок⁵³; НВГ часто не располагают средствами или возможностями, чтобы возместить ущерб всем жертвам⁵⁴; а политическая или военная обстановка мешает жертвам или НВГ начать взаимодействие по таким вопросам⁵⁵.

48 По итогам встречи с командирами Национального фронта освобождения Огадена, Белфаст, ноябрь 2018 г.

49 Из беседы с командиром из РВСК-АН, Богота, март 2019 г.

50 Из беседы с женщиной-командиром из РВСК-АН (примечание 36 выше).

51 Ernesto Che Guevara, *Guerrilla Warfare*, Ocean Press, Melbourne, 2006, p. 50.

52 C. Rose (примечание 4 выше), pp. 309–310.

53 *Совет по правам человека*. Доклад Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, док. ООН A/HRC/40/70, 31 января 2019 г., п. 63.

54 L. Zegveld (примечание 15 выше), p. 149.

55 R. Dudai (примечание 7 выше), pp. 785–786.

Возможно, здесь не вполне корректно употреблять термин «истребование», поскольку в описанных ниже обстоятельствах возмещение ущерба служит, скорее, шагом на пути к примирению, а не юридически закрепленным правом. Тем не менее термин «возмещение ущерба» вполне уместен, поскольку наряду с символическими и материально выраженными мерами, направленными на облегчение страданий жертвы, в любом случае предполагается признание статуса пострадавшего и ответственности нарушителя. Анализируя практику различных НВГ, можно прийти к общему выводу по поводу их участия в возмещении ущерба в качестве компенсации за ряд нарушений, совершенных в отношении гражданских лиц или членов самой НВГ, от имени их сообществ или в отношении иных групп. Можно выделить пять вариантов, применимых ко всем темам, которые обсуждаются ниже: 1) меры компенсации вреда гражданским лицам, получившим увечья или погибшим от рук членов группы; 2) истребование возмещения ущерба от имени пострадавших сообществ, которые они представляют⁵⁶; 3) оказание поддержки членам семьи товарищей, получивших увечья или павших в бою; 4) действия, направленные на компенсацию нарушений, совершенных внутри группы; 5) возмещение ущерба, причиненного действиями в отношении других вооруженных групп⁵⁷. НВГ как таковые могут прибегать к возмещению ущерба в рамках мер, направленных на разрешение хитросплетений, образованных отношениями и нарушениями, по ряду причин⁵⁸. Лучше всего рассматривать эту практику с точки зрения времени принятия таких мер — в ходе конфликта или после его окончания.

В ходе конфликта

Действия НВГ в отношении гражданских лиц могут диктоваться идеологией, конкретными обстоятельствами, наличием доступа к ресурсам и/или застарелыми обидами⁵⁹. В ходе затяжных конфликтов, которые могут длиться

56 См.: “Solomon Islands Rebels ‘Will Not Disarm’”, *BBC News*, 14 June 2000; Denis Dumo, “South Sudan Rebels Free Kenyan Pilots after Compensation Paid, Rebel Spokesman Says”, *Reuters*, 19 February 2019. Относительно требований вооруженной группировки «Мстители дельты Нигера» в связи с восстановлением загрязненных нефтью областей и выплаты компенсации пострадавшим общинам см.: Clayton D. Allen, “Pirates in West Africa and Somalia”, in Caroline Varin and Dauda Abubakar (eds), *Violent Non-State Actors in Africa*, Springer, Cham, 2017, p. 305.

57 Например, после раскола между племенами динка и нуэр в Народно-освободительной армии Судана в 1990-х гг. по итогам процесса примирения в Вунлите в 1999 г. была произведена реституция земель, возвращены похищенные люди и даны гарантии неповторения. Аналогично в 2010 г. РВСК-АН и Армия национального освобождения подписали соглашение, в котором признали ущерб, нанесенный друг другу и общинам, принесли извинения и якобы предоставили компенсацию некоторым гражданским лицам. См.: “Un singular pacto de paz Eln-Farc”, *Verdad Abierta*, 28 September 2011, доступно по адресу: <https://verdadabierta.com/un-singular-pacto-de-paz-eln-farc/>.

58 Luke Moffett, “Reparations for ‘Guilty Victims’: Navigating Complex Identities of Victim-Perpetrators in Reparation Mechanisms”, *International Journal of Transitional Justice*, Vol. 10, No. 1, 2016, p. 159.

59 См.: Jeremy M. Weinstein, *Inside Rebellion: The Politics of Insurgent Violence*, Cambridge University Press, 2007; МККК. Истоки сдержанности на войне. МККК, 2019. С. 25; Juan Ugarriza and Matthew Craig, “The Relevance of Ideology to Contemporary Armed Conflicts: A Quantitative Analysis of Former Combatants in Colombia”, *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 57, No. 3, 2012, p. 447.

десятилетиями, откладывать возмещение ущерба до окончания боевых действий значит, что жертвам придется жить со все возрастающим бременем конфликта, например оставаться в неведении по поводу судьбы близкого человека или местонахождения его останков. Возмещение ущерба в военное время помогает облегчить будущие страдания и уменьшить уязвимость жертв. Кроме того, взаимодействие с НВГ по поводу возмещения ущерба, причиненного нарушениями, имеет смысл не только ради материальной выгоды или символической компенсации, но и для изменения поведения группы, чтобы такие деяния не совершались повторно. В Непале в ответ на жалобы гражданских лиц маоисты меняли или отзывали стратегии, проводили расследования и приносили публичные извинения⁶⁰. В ряде других групп, таких как Ди-Кар, Ирландская республиканская армия (ИРА) и «Талибан», членов, виновных в нарушениях, исключали из группы⁶¹. Факт возмещения ущерба негосударственной вооруженной группой — это способ признать причинно-следственную ответственность за вред, нанесенный жертвам, которая не обязательно должна быть юридической или моральной⁶². Стоит отметить, что такие публичные заявления о моральной ответственности часто делают с определенным намерением или политической целью. Так, Революционное движение имени Тупака Амару (Movimiento Revolucionario Túpac Amaru, MRTA) в Перу намеревалось таким образом «объяснить допущенные ошибки» пострадавшим общинам, чтобы минимизировать враждебность с их стороны⁶³.

В следующей части этого раздела излагаются преимущества «личной заинтересованности» НВГ в возмещении ущерба, в том числе из идеологических и управленческих соображений, а также для поддержания социальных связей и улучшения имиджа. Далее обсуждаются некоторые из проблем, видов риска и издержек, с которыми сталкиваются НВГ и гражданские лица в ходе конфликта.

Личная заинтересованность

Описание практики возмещения ущерба негосударственными вооруженными группами в ходе конфликта основано на недавно проведенных исследованиях интернализации норм, о которой свидетельствует сдержанность бойцов при применении насилия. Этот феномен отражает асимметричный

60 Mahendra Lawoti, “Evolution and Growth of the Maoist Insurgency in Nepal”, in Mahendra Lawoti and Anup Kumar Pahari (eds), *The Maoist Insurgency in Nepal: Revolution in the Twenty-First Century*, Routledge, Hoboken, NJ, 2009, p. 17.

61 Vera Mironova, *From Freedom Fighters to Jihadists: Human Resources of Non-State Armed Groups*, Oxford University Press, Oxford, 2019, p. 86; “IRA Expels Three after Killing”, *BBC News*, 26 February 2005; Yoshinobu Nagamine, *The Legitimization Strategy of the Taliban’s Code of Conduct: Through the One-Way Mirror*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2015, p. 98.

62 Scott Paul, “The Duty to Make Amends to Victims of Armed Conflict”, *Tulane Journal of International and Comparative Law*, Vol. 22, No. 1, 2013, p. 101.

63 Из беседы с командиром Революционного движения имени Тупака Амару (примечание 47 выше). Это соответствует указаниям Че Гевары о том, что партизанам следует пояснять свои решения гражданским лицам, чтобы обеспечить легитимность своих действий.

характер внутренних вооруженных конфликтов, в которых государство превосходит НВГ по численности бойцов и зачастую по объему ресурсов, в результате чего вооруженные группы вынуждены обращаться к местным общинам за поддержкой, чтобы выжить; это ограничивает применение насилия с их стороны, кроме того, общины ожидают стабильно этичного отношения к себе, в том числе возмещения ущерба в случае нарушений⁶⁴. Такое поведение проявляется в идеологии, стиле управления и экспрессивизме или самопрезентации вооруженных групп. Эти три различных направления отражают разные стороны того, что вооруженные группы думают и сообщают о возмещении ущерба друг другу, самим себе и окружающему миру.

Идеологические соображения

В кодексах поведения ряда вооруженных групп предусмотрены положения, касающиеся исправления нанесенного вреда, в которых раскрывается идеологический подход группы к ведению военных действий. В частности, группы, находящиеся под влиянием маоистов, упоминают в таких кодексах реституцию или восстановление. Это неудивительно, если вспомнить, что Мао Цзэдун метафорически сравнивал отношения между партизанами и народом с тем, как рыба плавает в воде. По его мнению, группа должна придерживаться принципов «занял вещь — верни» и «испортил вещь — возмести»⁶⁵. В кодексе дисциплины Вьетконга упоминается необходимость «восстановления того, что было повреждено»⁶⁶. Даже в кодексе поведения Объединенного революционного фронта Сьерра-Леоне содержится указание для его членов «платить за все, что вы требуете или повреждаете», несмотря на то, что эта группа печально известна своими злоупотреблениями в отношении гражданских лиц⁶⁷. Другие группы предусматривают конкретные положения о возмещении ущерба; так, Армия национального освобождения Колумбии (*Ejército de Liberación Nacional, ELN*) требует от своих членов «по возможности компенсировать ущерб» в случае причинения вреда гражданским лицам⁶⁸.

Внутренние кодексы поведения могут применяться в качестве основанного на правилах подхода к завоеванию вооруженными группами уважения со стороны гражданского населения и к поддержанию уверенности и доверия — в этом состояла цель кодекса поведения «Талибана»

64 Nelson Kasfir, "Rebel Governance — Constructing a Field of Inquiry: Definitions, Scope, Patterns, Order, Causes", in Ana Arjona, Nelson Kasfir and Zachariah Mampilly (eds), *Rebel Governance in Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2015, p. 39; Stathis N. Kalyvas, *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006, p. 14.

65 Три основных правила дисциплины и памятка из восьми пунктов товарища Мао Цзэдуна.

66 Кодекс дисциплины Вьетконга, правило 4.

67 Восемь кодексов поведения Объединенного революционного фронта. См.: Olivier Bangerter, *Internal Control: Codes of Conduct within Insurgent Armed Groups*, Small Arms Survey Occasional Paper No. 31, 2012, p. 70.

68 Воинский кодекс Армии национального освобождения, 1995 г.

(«Лайеха»)⁶⁹. В некоторых извинениях, принесенных ИРА, говорится о наличии у группы собственного кодекса поведения, который выполняет нормативную и легитимизирующую функцию, отражаемую в символическом возмещении ущерба, причиненного жертвам, однако в то же время узко определяет совершенное нарушение, например через выражение раскаяния по поводу тайных захоронений информаторов, но не по поводу их убийства⁷⁰. Выпуск новых кодексов поведения, сформулированных в письменном виде, также может считаться гарантией неповторения при условии, что они соблюдаются⁷¹. Например, в кодексе поведения «Талибана» указано, что у нарушивших правила может быть изъято оружие, а сами они могут подвергнуться наказанию или быть исключены из группы⁷².

На практике возмещение ущерба негосударственными вооруженными группами в ходе конфликта часто осуществляется негласно и обсуждается только с самими жертвами, их родственниками или общинами, но это определяется местной культурой или эмоциональным контекстом⁷³. Кроме того, оно может производиться через суды, учрежденные вооруженными группами, которые могут предлагать такие меры защиты, как выплата компенсации. Одним из примеров является Национальный союз каренов, который отдает предпочтение медиации и урегулированию конфликтов, а неспособность достичь решения считается позорной⁷⁴. Отношения между гражданскими лицами и негосударственной вооруженной группой не определяются только принципами анархии или исключительно идеологией, хотя последняя может формировать «отдельную форму общественного порядка»⁷⁵. Возмещение ущерба может быть необходимо в качестве управленческого решения для поддержания отношений с гражданскими лицами, которые могут развиваться естественным образом или в результате договоренности между гражданским населением и НВГ.

Управление и поддержание социальных связей

Некоторые вооруженные группы могут быть разбойными или криминальными по самой своей сути, и они не заботятся о поддержании отношений с гражданским населением или об осуществлении функций правительства. Тем не менее сотрудничество с гражданскими лицами может высоко

69 Hyeran Jo and John Niehaus, "Through Rebel Eyes: Rebel Groups, Human Rights, and Humanitarian Law", *Law and Contemporary Problems*, Vol. 81, No. 4, 2018, p. 114.

70 R. Dudai (примечание 7 выше), pp. 806–807.

71 Например: Libyan National Transitional Council, "The Treatment of Detainees and Prisoners", Benghazi, 25 March 2011. См. также: K. Mastorodimos (примечание 40 выше), p. 128.

72 См.: Islamic Emirate of Afghanistan, "Layeha: A Jihadi Code of Conduct", 2006, section 10, para. 47.

73 См.: Kieran McEvoy, Cheryl Lawther and Luke Moffett, "Changing the Script: Non-State Armed Groups, Restorative Justice and Reparations", *Journal of Human Rights Practice*, 2021 (в печати).

74 Annika Pohl Harrison and Helene Maria Kyed, "Ceasefire State-Making and Justice Provision by Ethnic Armed Groups in Southeast Myanmar", *Journal of Social Issues in Southeast Asia*, Vol. 34, No. 2, 2019, pp. 306–308.

75 Ana Arjona, *Rebelocracy: Social Order in the Colombian Civil War*, Cambridge University Press, New York, 2016, p. 301.

цениться вооруженными группами как средство выживания и достижения устойчивости⁷⁶, особенно во избежание поддержки населением конкурирующих групп или передачи им информации. Несмотря на то что управление со стороны НВГ часто сводится преимущественно к обеспечению общественного обслуживания⁷⁷, в данном подразделе статьи применяется более широкий подход: мы одновременно рассматриваем социальные связи между гражданским населением и негосударственными вооруженными группами, возникающие при управлении территорией, которая находится под контролем последних. Политическая мобилизация членов в НВГ часто может опираться на ранее существовавшие социально-культурные связи и ценности, что позволяет обрести солидарность с гражданскими лицами⁷⁸. Здесь может идти речь о кооптировании местных или культурных институтов управления или медиации или налаживании сотрудничества с ними, что может зависеть от качества организации существующих институтов и их готовности к взаимодействию с вооруженной группой, то есть от взаимного доверия⁷⁹. Наконец, речь идет о сосуществовании, в рамках которого каждая из сторон воздерживается от чрезмерного вмешательства в жизнь другой стороны⁸⁰. Как пишут Архона, Касфир и Мампилли,

если мятежникам придется держать пистолет у виска каждого из граждан, они не смогут эффективно сражаться, а для обеспечения покорности со стороны гражданского населения недостаточно одних лишь финансовых стимулов. <...> Создавая системы управления, мятежники стремятся завоевать симпатии местного населения или хотя бы убедить их отказаться от активного сотрудничества с лицами, занимающими соответствующие руководящие должности в данный момент⁸¹.

Социальные связи между вооруженными группами и гражданскими лицами отражают более широкие тенденции и динамику насилия в вооруженных конфликтах, где применение насилия в отношении гражданского населения или проявление сдержанности являются вариантами стратегии вооруженных групп, которые обращаются к своей внутренней и к международной аудитории⁸². Сдержанность подразумевает «осознанные действия, имею-

76 J. M. Weinstein (примечание 59 выше), p. 18.

77 Zachariah Mampilly, *Rebel Rulers: Insurgent Governance and Civilian Life during War*, Cornell University Press, Ithaca, NY, 2011, p. 4.

78 Abdulkader H. Sinno, "Armed Groups' Organizational Structure and Their Strategic Options", *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 882, 2011, p. 313.

79 A. Arjona (примечание 75 выше), pp. 73, 212; Shane Joshua Barter, "The Rebel State in Society: Governance and Accommodation in Aceh, Indonesia", in A. Arjona, N. Kasfir and Z. Mampilly (eds) (примечание 64 выше), p. 234; Till Förster, "Dialogue Direct: Rebel Governance and Civil Order in Northern Côte d'Ivoire", in A. Arjona, N. Kasfir and Z. Mampilly (eds) (примечание 64 выше), p. 206.

80 A. Arjona (примечание 75 выше), p. 2.

81 Ana Arjona, Nelson Kasfir and Zacariah Mampilly, "Introduction", in A. Arjona, N. Kasfir and Z. Mampilly (eds) (примечание 64 выше), p. 3.

82 Jessica Stanton, *Violence and Restraint in Civil War: Civilian Targeting in the Shadow of International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2016, p. 7; Sukanya Podder, "Understanding the Legitimacy of Armed Groups: A Relational Perspective", *Small Wars & Insurgencies*, Vol. 28, No. 4–5, 2017, p. 686.

щие своей целью ограничить применение насилия»⁸³. Применение насилия в отношении гражданских лиц имеет свою цену с точки зрения возможной потери аудитории и в том числе сокращения финансовой, кадровой, моральной и логистической поддержки от сочувствующих местных сообществ и внешних доноров⁸⁴. Некоторые вооруженные группы имеют доступ к местам, богатым ресурсами, или преданных внешних сторонников, что позволяет им неизбирательно применять силу⁸⁵, однако у многих вооруженных групп нет стабильного источника ресурсов, и они больше зависят от социального капитала и нравственной сдержанности своих сторонников. Это отражает «символический» характер отношений между НВГ и гражданским населением, что может создавать стратегические возможности, но одновременно с этим и гуманитарный риск и нехватку ресурсов для содержания партизанских групп⁸⁶.

Для обеспечения эффективного сдерживания требуется определенный уровень организационной структуры для контроля применения оппортунистического насилия⁸⁷; наращивание и консолидация власти над рядовыми бойцами играют ключевую роль в сдерживании насилия в отношении гражданских лиц, но не всегда позволяют его предотвратить. В исследовании Международного Комитета Красного Креста (МККК) «Истоки сдержанности на войне» проводится различие между централизованными, децентрализованными группами и группами, являющимися частью общины; это различие в значительной мере влияет на поведение той или иной организации⁸⁸. Централизованные НВГ могут укреплять дисциплину и сдерживать насилие за счет структуры управления войсками, кодексов поведения, воспитания, применения санкций и отказа принимать в свои ряды тех, кто с высокой степенью вероятности будет безудержно применять насилие⁸⁹. Децентрализованные группы и группы, являющиеся частью общины, у которых вряд ли имеется кодекс поведения или формализованный режим применения санкций, при управлении уровнем насилия с большей вероятностью будут полагаться на общие ценности, традиции и на местных лидеров⁹⁰. При этом насилие со стороны групп, являющихся частью общины, может считаться приемлемой формой «скорого суда», чинимого общиной: в качестве примера можно привести карательные нападения народных мстителей на людей, демонстрирующих антисоциальное поведение, такое

83 МККК (примечание 59 выше), с. 20.

84 Max Abrahms, *Rules for Rebels: The Science of Victory in Militant History*, Oxford University Press, Oxford, 2018, pp. 74–78.

85 J. M. Weinstein (примечание 59 выше), p. 7; МККК (примечание 59 выше), с. 25.

86 J. M. Weinstein (примечание 59 выше), p. 173; Achim Wennmann, “Economic Dimensions of Armed Groups: Profiling the Financing, Costs, and Agendas and Their Implications for Mediated Engagements”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 882, 2011, p. 336.

87 J. Stanton (примечание 82 выше), p. 15.

88 МККК (примечание 59 выше), с. 25. См. также: А. Н. Sinno (примечание 78 выше), в чьей работе исследованы группы, основанные на патронаже, которые распространены в Йемене и Афганистане, а также практика привлечения подрядчиков в Соединенных Штатах.

89 M. Abrahms (примечание 84 выше), p. 9.

90 МККК (примечание 59 выше), с. 27; А. Н. Sinno (примечание 78 выше), p. 313.

как грабежи и распространение наркотиков, или мести другим общинам или акторам, причинившим ущерб их общине⁹¹. Кроме того, социализация и интеграция норм могут различаться даже внутри организации, где могут существовать конкурирующие лидеры, влияющие на формирование таких норм⁹².

Организационная структура группы может укреплять иерархию обязательств в сфере возмещения ущерба, которые НВГ в состоянии стабильно исполнять. Централизованные организации, контролирующие территории, имеют больше возможностей для выстраивания прочных общинных связей с местными гражданами и оказания им ответных услуг⁹³, что отражает их способность предоставлять более значимую компенсацию, такую как, например, медицинское обслуживание. Организации, являющиеся частью общины, могут опираться на свои прочные позиции среди местного населения, но у них, скорее всего, будет небольшой объем ресурсов и нестабильный состав участников, и им придется ограничиваться местной практикой, которая может различаться у разных подразделений. Следовательно, подобные группы способны предложить лишь условную компенсацию, «бонус надежды»⁹⁴ или символические меры, такие как публичное признание ответственности или принесение извинений пострадавшему или члену его семьи в средствах массовой информации либо в частном порядке.

Расхождение между организацией НВГ и отношениями НВГ с гражданскими лицами может означать, что группы поддерживают целый ряд социальных взаимодействий и располагают целым рядом управленческих решений. На разных концах этого спектра могут находиться децентрализованные вооруженные группы, запугивающие организации гражданского общества, и более централизованные и являющиеся частью общины группы, которые формируют и во многом формулируют политический спрос гражданского общества на формальные или неформальные процессы управления⁹⁵. Часто такое управление в вооруженных группах возникает из-за отсутствия государства, в связи с чем община имеет ограниченные возможности доступа к правосудию и средствам возмещения ущерба; это может быть сопряжено с затруднением физического доступа, например необходимостью пересекать линию фронта, или с риском быть признанным информатором ввиду взаимодействия с государственными учреждениями.

91 Olivier Bangerter, "Reasons Why Armed Groups Choose to Respect International Humanitarian Law or Not", *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 882, 2011, p. 380.

92 МККК (примечание 59 выше), с. 72.

93 А. Н. Синно (примечание 78 выше), p. 319.

94 Е. С. Гевара (примечание 51 выше), pp. 50, 104. Че Гевара использовал словосочетание «бонус надежды» для обозначения общей заинтересованности в реформировании общества, от которого выиграют массы населения, а также в более узком значении как вексель, выдаваемый крестьянам или торговцам, у которых партизаны получали товары или услуги, и предполагающий скорейшее погашение.

95 Enrique Desmond Arias, *Criminal Enterprises and Governance in Latin America and the Caribbean*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2017, p. 139.

Отправление правосудия негосударственными вооруженными группами может быть оперативнее и дешевле, чем в исполнении государственных учреждений, однако часто в нем отсутствует процессуальная защита для участников процесса⁹⁶. Это может мешать пострадавшим полноценно формулировать свои потребности с точки зрения возмещения ущерба и обращаться за компенсацией. Создание или поддержка судебных учреждений может помочь вооруженной группе консолидировать власть за счет предоставления возможности расширить социальный контроль со стороны группы и, в свою очередь, повисить ее легитимность в глазах граждан за счет уподобления государственной системе управления⁹⁷. Такой подход позволяет группе «войти в общину, получить информацию о ее членах и взаимосвязях между ними, обрести легитимность и контроль над поведением гражданского населения»⁹⁸. Предоставление РВСК-АН судебных и приказных мер, таких как принуждение виновных к выплате компенсации или восстановлению школ и дорог, рассматривалось как способ удовлетворить ожидания в сфере управления и поддержать легитимность группы в глазах общины⁹⁹.

Во время конфликта гражданские лица не просто являются уязвимыми пассивными участниками событий — они способны самостоятельно оказывать давление на НВГ и влиять на их действия¹⁰⁰. За счет роста социального взаимодействия и «обмена ценностями» между НВГ и гражданским населением лица, не участвующие в военных действиях, могут выдвигать требования к вооруженной группе¹⁰¹. Взаимодействие гражданских лиц с вооруженными группами может принимать форму протестов, угроз и диалога, направленного на достижение целей гражданского населения, например на содействие в возврате украденного имущества. Благодаря такому взаимодействию гражданские лица могут жить в условиях конфликта и вести переговоры с вооруженными группами.

Эти структурные и социальные факторы могут влиять на возмещение ущерба негосударственными вооруженными группами с точки зрения как возможностей, так и ценностей группы. Выполнение негосударственными вооруженными группами управленческих функций и возмещение ущерба могут стать для них способом обрести легитимность в виде «символических проявлений власти»¹⁰². НВГ могут приносить извинения или

96 Enrique Desmond Arias, *Criminal Enterprises and Governance in Latin America and the Caribbean*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2017, p. 61. Респонденты из числа членов негосударственных вооруженных групп рассказывали о карательных расстрелах, избиениях, убийствах, публичном унижении (привязывании к фонарному столбу или дереву) и изгнании виновных.

97 A. Arjona (примечание 75 выше), p. 72.

98 Ibid., p. 73.

99 René Provost, “FARC Justice: Rebel Rule of Law”, *UC Irvine Law Review*, Vol. 8, No. 1, 2018, p. 251.

100 См.: Oliver Kaplan, *Resisting War: How Communities Protect Themselves*, Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2016.

101 S. Podder (примечание 82 выше), p. 691.

102 Zachariah Mampilly, “Performing the Nation-State: Rebel Governance and Symbolic Processes”, in A. Arjona, N. Kasfir and Z. Mampilly (eds) (примечание 64 выше), p. 74.

предлагать иные формы символического возмещения ущерба, такие как установление памятников или признание ответственности, ради улучшения своего имиджа в глазах местной и зарубежной аудитории¹⁰³. Однако подобные меры могут быть направлены и на то, чтобы ограничить ответственность НВГ, в частности оправдать их намерения за счет создания представления о том, будто лишение человека жизни является косвенным ущербом или находится вне сферы контроля группы¹⁰⁴. Необходимость заниматься управлением может стать тяжким бременем для вооруженных групп и отвратить многих от выполнения таких функций или от более активной организации совместного управления¹⁰⁵. Управление со стороны НВГ должно быть гибким и иногда очень подвижным, поскольку может оказаться временным в случае поражения или полного вытеснения группы с занятой территории¹⁰⁶. При этом в отсутствие государства или доверия к нему НВГ могут дать жертвам возможность обратиться за возмещением ущерба.

Возмещение ущерба может принести вооруженной группе и иную пользу. Обеспечение компенсации за нарушения, совершенные в отношении гражданских лиц, может стать средством укрепления боевого духа и дисциплины¹⁰⁷. Кроме того, оно предполагает осуществление внутреннего и внешнего процесса подотчетности, который позволяет закрепить кодекс поведения группы и гуманитарные нормы и добиться их соблюдения. Возмещение ущерба гражданскому населению может позволить группе занять высокую нравственную позицию, благодаря которой ее члены будут воспринимать себя как честных борцов в противовес государству или другим НВГ, допускающим нарушения. Однако и здесь сохраняется ряд ограничений и риск того, что возмещение ущерба покажется несоразмерным, неискренним или пропагандистским. Это можно проследить на примере сведений о том, как вооруженные группы принимают такие меры, как возмещение ущерба, чтобы улучшить представление о себе со стороны.

Улучшение имиджа

Судя по данным некоторых научных исследований, насилие со стороны вооруженных групп многое говорит об этих группах, поскольку их действия — как насильственные, так и ненасильственные — представляют собой способ сделать нравственные и политические заявления, которые НВГ намереваются воплотить в жизнь в противовес государству или дру-

103 М. Abrahms (примечание 84 выше), p. 182.

104 См., например, извинения «Аль-Каиды» за нападение на больницу и извинения так называемого Исламского государства за нападение на Армию обороны Израиля (Yousuf Basil and Catherine E. Shoichet, “Al Qaeda: We’re Sorry about Yemen Hospital Attack”, CNN, 22 December 2013; Judah Ari Gross, “Ex-Defense Minister Says IS ‘Apologized’ to Israel for November Clash”, *Times of Israel*, 24 April 2017).

105 J. M. Weinstein (примечание 59 выше), p. 171.

106 S. J. Barter (примечание 79 выше), p. 228; A. Wennmann (примечание 86 выше), p. 336.

107 O. Bangertger (примечание 91 выше), pp. 361–362.

гим актерам. Это очевидным образом следует из того, что вооруженные группы принимают на себя ответственность за нападения, чтобы продемонстрировать свои способности, выступить с политическим заявлением (в том числе о том, почему пострадавшие заслужили применение к ним насилия) и/или указать на слабость государства, его коррумпированность или неспособность предотвратить такое насилие¹⁰⁸. Однако применение насилия в качестве средства коммуникации — это порочная стратегия; она способна завладеть вниманием прессы, но государство, гражданское общество и пострадавшие могут неправильно истолковать мотивацию и цели группы¹⁰⁹. НВГ не всегда бывают готовы к тому, что их операция или нападение, повлекшее за собой гибель гражданских лиц, подвергнется осуждению на местном, национальном и/или международном уровне. Заявление об ответственности или принесение извинений за совершенное деяние — это способ смягчить общественное осуждение, особенно в случае большого количества жертв среди гражданского населения при минимальной военной выгоде¹¹⁰. Абрамс отмечает, что группы часто отрицают свою причастность к событию, чтобы дистанцироваться от отдельных своевольных членов группы и минимизировать возможную потерю общественной поддержки¹¹¹. Тем не менее заявление об ответственности и полное или частичное осуждение действий членов группы убедительно демонстрирует определенную форму подотчетности, с помощью которой вооруженная группа намерена донести информацию о своих нормах и ценностях¹¹².

НВГ, заявляющие, что соблюдают нормы МГП, потенциально способны завербовать больше членов¹¹³. Участие в обсуждении прав человека или соблюдение гуманитарных норм посредством возмещения ущерба, причиненного жертвам, или хотя бы оказания им помощи может дать группе конкурентное преимущество над остальными группами в качестве своего рода «уникального торгового предложения» для внутренней и международной аудиторий¹¹⁴. Некоторые группы могут возмещать ущерб не в рамках организованного управления, а в качестве способа поддержания уважения к культурным нормам. Например, в Эфиопии Национальный фронт освобождения Огадена (НФОО) предоставляет компенсацию семьям гражданских лиц, случайно погибших от руки членов группы, ради «своей же собственной пользы, поскольку народ должен поддерживать нашу борьбу»¹¹⁵. Есть сведения о том, что при убийстве лиц, сотрудничавших с противником, члены НФОО оставляют «на теле убитого необходимую цену крови

108 S. N. Kalyvas (примечание 64 выше), p. 26.

109 M. Abrahms (примечание 84 выше), pp. 55–56.

110 Ioana Emy Matesan and Ronit Berger, “Blunders and Blame: How Armed Non-State Actors React to Their Mistakes”, *Studies in Conflict & Terrorism*, Vol. 40, No. 5, 2017, p. 381.

111 M. Abrahms (примечание 84 выше), p. 174.

112 K. Fortin (примечание 10 выше), p. 171.

113 S. Podder (примечание 82 выше), p. 691.

114 A. Clapham (примечание 19 выше), p. 33.

115 По итогам встречи с командирами НФОО (примечание 49 выше).

в денежном выражении, чтобы избежать мести со стороны родственников жертвы»¹¹⁶.

Кроме того, вооруженные группы могут выступать в качестве представителей своего политического сообщества; это не означает, что все вооруженные группы являются общественными активистами, но они часто поддерживают тесные политические, социальные и практические связи с гражданскими лицами, создающими и сохраняющими условия, благодаря которым группа может вести военные действия. Насилие рассматривается как один из способов «выступить от имени сообщества» или «отстоять его интересы», как возможность действовать вместо того, чтобы ждать подачи¹¹⁷. Такие представления и заявления группы могут подаваться с позиции самопожертвования, чести и преданности, что может служить мотивом и оправданием для дальнейшего применения насилия¹¹⁸. Когда нарушения все-таки совершаются, возмещение ущерба со стороны вооруженной группы может демонстрировать ее «добрую волю» и представлять ее в более выгодном свете¹¹⁹. Однако гражданские лица или пострадавшие могут отвергнуть подобные жесты и готовность возместить ущерб как неискренние и совершаемые исключительно в собственных интересах, как это произошло с извинениями со стороны Новой ИРА за убийство журналистки Леры Макки в 2019 году в Дерри¹²⁰. Кроме того, гражданские лица могут сопротивляться возмещению ущерба негосударственными вооруженными группами или отказываться от него, чтобы иметь возможность отрицать любые социальные связи с ними и избежать обвинений; в качестве одного из примеров можно привести женщину, у которой РВСК-АН забрали семейный велосипед, а потом вернули ей новый, однако женщина отказалась от него из страха, что об этом узнают государственные вооруженные силы¹²¹. Когда НВГ преподносят насилие в вооруженной борьбе как правомерное, оправданное или поправимое в случае эксцессов и используют возмещение ущерба в качестве подтверждения этого тезиса, возникают другие трудности.

116 Tobias Hagmann, “Beyond Clannishness and Colonialism: Understanding Political Disorder in Ethiopia’s Somali Region, 1991–2004”, *Journal of Modern African Studies*, Vol. 43, No. 4, 2005, p. 533, fn. 34.

117 Bill Rolston, “Demobilization and Reintegration of Ex-Combatants: The Irish Case in International Perspective”, *Social and Legal Studies*, Vol. 16, No. 2, 2007, p. 262.

118 См.: Cheryl Lawther, “The Truth about Loyalty: Emotions, Ex-Combatants and Transitioning from the Past”, *International Journal of Transitional Justice*, Vol. 11, No. 3, 2017.

119 M. Abrahms (примечание 84 выше), pp. 182–183.

120 Извинения гласили: «В ходе атаки на противника трагически погибла Лира Макки, находившаяся рядом с войсками противника. ИРА приносит свои безоговорочные и искренние извинения партнеру, родным и друзьям Леры Макки за ее гибель. <...> Мы проинструктировали своих добровольцев, с тем чтобы в будущем они были предельно внимательны при применении силы к противнику, и внедрили меры обеспечения такого поведения» (см.: Connla Young, “New IRA Admits Murder of Journalist Lyra McKee and Offers ‘Sincere Apologies’”, *Irish News*, 23 April 2019).

121 O. Kaplan (примечание 100 выше), p. 251.

Трудности, риск и издержки

Использование негосударственными вооруженными группами инструмента возмещения ущерба для своих собственных целей создает три проблемы с точки зрения легитимизации насилия, риска для безопасности и финансовых издержек. Прежде всего, поощрение НВГ к возмещению ущерба может быть способом подкрепления их легитимности и затягивания конфликта. Это, в свою очередь, может помешать НВГ возмещать ущерб пострадавшим, принадлежащим к другой стороне. Так, «Хезболла» предоставляла компенсацию пострадавшим от ударов, нанесенных Израилем, но не израильтянам, получившим увечья или погибшим в ходе атак с ее стороны¹²². Возможно, для того чтобы увидеть в другой стороне не противника, а живых людей, необходимо дистанцироваться и отойти от повседневности вооруженного конфликта¹²³. Одна из женщин — командиров «Движения 19 апреля» (М-19) сообщила о том, что после окончания военных действий и работы над построением мира она общалась со служащей полиции, и та сказала: «Я работала в полиции, и можно сказать, что я была преследователем, но одновременно я была и жертвой РВСК-АН». Это навело бывшего командира М-19 на мысль о том, что деление людей на жертв и преследователей — «порочный круг», который ведет к «поляризации»¹²⁴.

В ходе некоторых конфликтов могут происходить перемены в составе союзников, и это может означать, что статус жертвы используется для манипулирования этнической, политической или национальной принадлежностью в поисках легитимности и власти, аналогичной государственной, то есть «все гражданские лица являются законной добычей»¹²⁵. На самом деле, коллективный статус жертвы может использоваться всеми сторонами для создания общности и представления себя невиновными и заслуживающими сочувствия¹²⁶. В свете такой коллективной психологии жертвы и выступающие от имени пострадавших сообществ гражданские лица могут также вступать в вооруженные группы, чтобы «компенсировать нанесенные обиды»¹²⁷. У вооруженных групп могут быть мотивы оповестить обидчиков о нанесенной им обиде, но часто «их переживания

122 Sarah Holewinski, “Making Amends: A New Expectation for Civilian Losses in Armed Conflict”, in Daniel Rothbart, K. V. Korostelina and Mohammed D. Cherkaoui (eds), *Civilians and Modern War*, Routledge, London and New York, 2012, p. 328.

123 Дэни Моррисон, бывший пленный ИРА, написал в своем тюремном дневнике, что ему хотелось бы, чтобы полицейского, похищенного ИРА в Саут-Арме, освободили, поскольку «на войне проявлений милосердия не бывает слишком много» (Danny Morrison, *Then the Walls Came Down: A Prison Journal*, Mercier Press, Cork, 2018, pp. 96–97). Благодарю за эту отсылку Кевина Харти.

124 Из беседы с женщиной, бывшей командиром «Движения 19 апреля», Богота, март 2019 г.

125 Wendy Isaacs-Martin, “The Séléka and Anti-Balaka Rebel Movements in the Central African Republic”, in C. Varin and D. Abubakar (eds) (примечание 56 выше), p. 150.

126 Daniel Bar-Tal, Lily Chernyak-Hai, Noas Schori and Ayelet Gundar, “A Sense of Self-Perceived Collective Victimhood in Intractable Conflicts”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 91, No. 874, 2009.

127 A. Arjona (примечание 75 выше), p. 265; МЖКК (примечание 59 выше), с. 14.

превышают их способности исправить содеянное»¹²⁸. Об этом рассказали нам бывшие бойцы, чьи друзья и родственники погибли. Это не оправдывает насилие, совершенное такими группами, но свидетельствует о том, что отсутствие эффективной государственной системы правоприменения и механизмов компенсации, которые могли бы способствовать решению споров законными средствами, привело к накоплению обид.

У вооруженной группы может быть ограниченное количество ресурсов, которые можно было бы направить на возмещение ущерба, и предложенная ею компенсация может быть чисто символической или недостаточной для облегчения страданий жертвы. Принятая в 2016 году политика «Талибана» в отношении возмещения ущерба имела небольшой масштаб и предусматривала скорее символическую, нежели реальную компенсацию ввиду высоких финансовых издержек, то есть ее назначение было преимущественно стратегическим, направленным на сохранение лица в политическом плане или на подержание отношений с общественностью¹²⁹. Кроме того, насилие может быть и средством социального контроля, однако жадность и обиды тоже могут сыграть свою роль в деятельности НВГ, подорвав их мотивацию к возмещению ущерба. С течением времени влияние конфликта на экономику и местную ресурсную базу может приводить к росту нищеты, оказывая давление на созданные группой структуры управления или ослабляя приверженность ее членов идеологии группы¹³⁰. У вооруженных групп может уже не быть доступа к тем же финансовым ресурсам, позволяющим предоставлять компенсацию жертвам или принимать иные подобные меры, в результате чего возмещение ущерба становится дорогостоящей стратегией ведения войны. Это служит отражением проблем, связанных с иерархией возмещения ущерба, поскольку у НВГ могут быть различные возможности, в связи с чем некоторые жертвы могут получить в лучшем случае извинения, но никак не компенсацию¹³¹.

Участники процесса сталкиваются с несколькими видами риска, в том числе с риском стать мишенью насилия в будущем, риском неравного распределения сил и возможностей для ведения переговоров, что может явиться признаком слабости в глазах других групп¹³², и риском раздробленности¹³³. Многие НВГ могут быть не в состоянии вынести решение по поводу нарушений или не иметь для этого необходимых возможностей, и вынесенные решения вряд ли будут соответствовать основным принципам справедливого разбирательства, таким как независимость, оперативность и непри-

128 M. Abrahms (примечание 84 выше), p. 1.

129 Ashley Jackson and Rahmatullah Amiri, *Insurgent Bureaucracy: How the Taliban Makes Policy*, United States Institute of Peace, Washington, DC, 2019, p. 36.

130 S. N. Kalyvas (примечание 64 выше), p. 115.

131 Это не отменяет права на возмещение ущерба в рамках государственных программ компенсации вреда.

132 Cyanne E. Loyle and Helga Malmin Binningsbø, "Justice during Armed Conflict: A New Dataset on Government and Rebel Strategies", *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 62, No. 2, 2016, p. 460.

133 См.: *Хадрау, Хишем*. Фрагментация негосударственных вооруженных структур в ходе затяжных вооруженных конфликтов: несколько примеров из практики обеспечения соблюдения гуманитарных норм // *Международный журнал Красного Креста*. Т. 101, № 912, 2019.

косновенность улик. Разумеется, у вооруженных групп есть добровольцы и сторонники, имеющие различные знания и опыт, а для обеспечения независимости можно привлечь лидеров местных общин в качестве третейских судей¹³⁴. Еще одна трудность связана с тем, что, если НВГ возмещают ущерб в ходе конфликта, государство или другие акторы могут не признать легитимность принятых мер, таких как реституция земель, выдача свидетельств о смерти лиц, пропавших без вести, или регистрация рождения похищенных. Кроме того, возмещение ущерба негосударственными вооруженными группами может быть использовано прокурорами в качестве доказательства совершения противоправного деяния группой или отдельными членами НВГ в ходе судебных процессов по факту совершения военных преступлений, что может удержать группу от исправления содеянного¹³⁵. Если жертвы не будут удовлетворены компенсацией, предложенной вооруженной группой, они вряд ли смогут обратиться в государственный суд или добиться признания законности первоначального решения. После окончания конфликта программы возмещения ущерба будут больше расположены к принятию свидетельств, представленных пострадавшими или судами НВГ, в качестве подтверждения исков при условии, что они будут подкреплены доказательствами. В то же время активное взаимодействие НВГ с гражданским обществом в ходе конфликта и возмещение ущерба могут способствовать более мирному урегулированию в будущем, поскольку ее члены могут считаться более пригодными к социальной реинтеграции; примером этого может служить готовность перуанского Революционного движения имени Тупака Амару к самокритике перед общинами и перуанской комиссией по установлению истины, в отличие от более жестко настроенной организации «Сияющий путь», которая не стала раскаиваться в содеянном¹³⁶.

По окончании конфликта

Переговоры о заключении мирного соглашения или процессы правосудия переходного периода могут дать возможность компенсировать нарушения, совершенные всеми сторонами. НВГ могут сыграть важную роль в про-

134 В Ачехе; см.: S. J. Barter (примечание 79 выше), p. 234.

135 МУС допускает смягчение приговоров для тех, кто возмещает ущерб, причиненный потерпевшим (Правила процедуры и доказывания, правило 145(2)(a)(ii)), и тех, кто оказывает помощь с целью выявления местонахождения активов в интересах потерпевших (Римский статут, ст. 110(4)).

136 Во время конфликта движение «Сияющий путь» («Сендеро луминосо») было более законспирированной организацией, тогда как Революционное движение имени Тупака Амару более умело пользовалось средствами массовой информации, чтобы создать себе образ вооруженной группы, которая борется за социальную справедливость. См.: Rebekka Friedman, *Competing Memories: Truth and Reconciliation in Sierra Leone and Peru*, Cambridge University Press, Cambridge, 2017, p. 148; Nelson Manrique, "The War for the Central Sierra", in Steve J. Stern (ed.), *Shining and Other Paths: War and Society in Peru 1980–1995*, Duke University Press, Durham, NC, 1998, p. 213, где приводится пример того, как представители Революционного движения имени Тупака Амару после убийства одного из вождей коренного населения приносили извинения за сотрудничество с государством, в результате чего община восстала против этой группы.

цессах возмещения ущерба, будь то в качестве жертв, ответственных акторов, посредников или защитников. Например, угандийская группировка Господня армия сопротивления в ходе джубского мирного процесса желала получить «компенсацию потерь»¹³⁷. Кроме того, вооруженные группы могут выступать за более полное возмещение ущерба жертвам — как сапатисты требовали более чем простой компенсации ущерба, причиненного землям коренных народов¹³⁸. В рамках мирных договоров вооруженные группы берут на себя обязательство предоставить компенсацию жертвам¹³⁹, оказать помощь в поиске пропавших без вести¹⁴⁰, создать трастовые фонды для реабилитации жертв¹⁴¹, вернуть земли и другое имущество¹⁴², обеспечить репатриацию перемещенных лиц¹⁴³, принять меры к публичному признанию нанесенного ущерба и дать гарантии неповторения совершенных деяний¹⁴⁴. Некоторые группы подходят к возмещению ущерба комплексно: так, Национальный демократический фронт Филиппин обязался обеспечить «достаточную компенсацию или ограждение от ответственности, реституцию и реабилитацию, а также действенные санкции и гарантии того, что нарушения не повторятся и не останутся безнаказанными»¹⁴⁵. Судя по всему, это недавнее явление, подкрепленное мирным соглашением с РВСК-АН, поскольку у бывших колумбийских бойцов, с которыми мы общались, воевавших, например, на стороне М-19, и бывших участников негосударственных вооруженных групп в Гватемале, Непале и Северной Ирландии не было никакого конкретного плана, связанного с возмещением ущерба. Один из бывших партизанских командиров из Гватемалы упоминал о готовности своей группы возместить ущерб, однако правительство не пожелало дать группе «возможность поучаствовать»¹⁴⁶.

Кроме того, существует проблема, связанная с преобразованием финансовых структур группы, которые отдельные потерпевшие могут рассматривать в качестве источников возмещения ущерба¹⁴⁷. Ответственность вооруженных групп за финансирование возмещения ущерба имеет свои

137 “Uganda Rebels Want Army Disbanded”, *BBC News*, 18 July 2006.

138 “Joint Declaration that the Federal Government and the EZLN Shall Submit to National Debating and Decision-Making Bodies”, 16 February 1996, p. 3, para. 3(2).

139 Таунсвиллское мирное соглашение, 2000 г., часть 3(1)(b); Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Indonesia and the Free Aceh Movement, 2005, Art. 3.2.5; Agreement on Accountability and Reconciliation Signed between the Government of the Republic of Uganda and the Lord’s Resistance Army/Movement, 2007, Arts 6(4), 9(3); Agreement between the Government of Sudan and the Justice and Equality Movement — Sudan on the Basis of the Doha Document for Peace in Darfur, 2013, Article 17.

140 Таунсвиллское мирное соглашение, 2000 г., часть 3(1)(a).

141 Accord politique pour la paix et la réconciliation en république centrafricaine, February 2019, Art. 12.

142 В Непале; Seven Point Agreement, 1 November 2011, para. 6(a).

143 Bogotá Accord, 1984, Art. 3(6); Liberian Comprehensive Peace Agreement, 2003, Arts XIV(4), XXX.

144 Ломейское мирное соглашение, 1999 г., ст. XXV; Nationwide Ceasefire Agreement between the Government of the Republic of the Union of Myanmar and the Ethnic Armed Organizations, 2015, Art. 25.

145 Comprehensive Agreement on Respect for Human Rights and International Humanitarian Law between the Government of the Republic of the Philippines and the NDFP, 16 March 1998, Art. 2(3).

146 Из беседы с бывшим партизанским командиром, г. Гватемала, май 2018 г.

147 A. Wennmann (примечание 86 выше), p. 350.

последствия с точки зрения имеющихся ресурсов и представлений об обеспеченности НВГ и может повлиять на уровень доверия, если эти источники не будут нигде фигурировать. Так случилось в Колумбии: исследования показывали, что РВСК-АН получает более 1 миллиарда долларов в год, однако к концу 2020 года группа выплатила только 12,9 миллиона долларов из обещанной суммы возмещения в размере почти 300 миллионов долларов¹⁴⁸. Финансовые взносы НВГ в программы возмещения ущерба, которые могут служить для выплаты компенсации ее же собственным пострадавшим участникам, должны подвергаться жесткому финансовому регулированию и аудиту, чтобы они не стали способом отмывания денег. В то же время необходимы средства, которые позволят закрепить такие ресурсы для возмещения ущерба, в противном случае не исключены продолжительные и сложные юридические разбирательства. Например, в Северной Ирландии судебное разбирательство в отношении членов Подлинной ИРА, инициированное некоторыми жертвами теракта 1998 года в Оме, в ходе которого погибли 29 мирных жителей, завершилось постановлением о выплате 1,6 миллиона фунтов стерлингов за счет группировки. И хотя пострадавшие не получили никаких денег, их цель состояла в привлечении виновных к ответственности¹⁴⁹.

Эта практика может отражать двойственный характер возмещения ущерба как средства правосудия и одновременно средства достижения политических целей примирения и формирования доверия. Опыт многих обществ, прошедших переходный период, показывает, что политика принуждения НВГ к возмещению ущерба оказалась бесплодной, однако в тех случаях, когда вооруженные группы и их бывшие участники мотивированы к участию в возмещении ущерба, есть некоторые обнадеживающие признаки. Так, в Северной Ирландии, помимо принесения извинений и признания ответственности, вооруженные группы лоялистов и республиканцев провели для пострадавших неформальное расследование в целях установления истины¹⁵⁰. Однако подобные неформальные процессы чреваты злоупотреблением и использованием материалов в уголовных процессах, как было в том случае, когда на основе информации, предоставленной бывшими членами ИРА в устной форме для исторического архива, был задержан лидер партии «Шинн Фейн» Джерри Адамс¹⁵¹. Подобный подход не способствует формированию доверия или политической готовности к взаимодействию с жертвами или к исправлению прошлых нарушений со стороны таких групп.

В отношении НВГ, переходящих от войны к миру, наблюдается определенная юридическая, политическая и социальная динамика. По оконча-

148 Nelson Bocanegra, Colombia's FARC Delivers a Fraction of Pledged Peace Deal Assets by Deadline, *Reuters*, 31 December 2020.

149 См.: L. Moffett (примечание 27 выше).

150 Из беседы с бывшим бойцом Ольстерских добровольческих сил, Белфаст, 6 апреля 2018 г.

151 См.: Anna Bryson, "Victims, Violence, and Voice: Transitional Justice, Oral History, and Dealing with the Past", *Hastings International and Comparative Law Review*, Vol. 39, No. 2, 2016.

нии военных действий организованная военная структура вооруженной группы распускается посредством демобилизации, поэтому может быть трудно говорить о коллективной ответственности группы, которой, по обоюдному согласию государства и ее собственных (бывших) членов, больше не существует¹⁵². Тем не менее политическое крыло бывшей вооруженной группы может сохранить свои представительские функции и организовать участие в возмещении ущерба, в частности принятие символических мер, таких как принесение извинений и признание ответственности¹⁵³. Для того чтобы такие меры были эффективными, лицо, приносящее извинения, должно иметь соответствующую должность, авторитет и полномочия внутри группы, чтобы выступать от ее имени¹⁵⁴. Здесь могут наблюдаться трения между политическими лидерами, которые говорят о действиях, совершенных боевыми командирами, и эти трения могут нарушить целостность группы как политического сообщества. Пострадавшие могут выразить желание получить извинения от конкретного виновника или от боевого командира, а не от пресс-секретаря или политического представителя, поскольку в устах последнего извинения могут звучать скорее как политическое заявление, а не как попытка виновных исправить содеянное, признать свою ответственность и компенсировать причиненный вред¹⁵⁵.

Для того чтобы вооруженная группа сложила оружие, она должна в определенной мере признать отсутствие оснований для продолжения или оправдания вооруженной борьбы (или по крайней мере признать, что сложившиеся условия или нанесенная им обида утратили свою остроту) и признать авторитет и легитимность государства¹⁵⁶. Однако это часто бывает затруднительно из-за недобросовестности части правительства, внутренних разногласий в группе или между бывшими бойцами, занявшимися преступной деятельностью, результатом которой стало продолжение насилия на низовом уровне¹⁵⁷, или даже из-за собственного мифологизированного и самооправдательного политического представления группы о прошлом¹⁵⁸. В Северной Ирландии, Колумбии, Южном Судане, Непале и Уганде

152 Такой роспуск может быть частичным или предполагать объединение с государственными силами, как произошло в Демократической Республике Конго. См.: Joanna Spear, "Disarmament and Demobilisation", in Stephen John Stedman, Donald Rothchild and Elizabeth M. Cousens (eds), *Ending Civil Wars: The Implementation of Peace Agreements*, Lynne Rienner, Boulder, CO, 2002.

153 См., например, подтвержденное политической партией РВСК принятие на себя обязательства по исполнению мирного соглашения и решению вопроса с жертвами похищений (Juanita Vélez, "Cuando Uribe quiere tumbar la JEP, la Farc redobla compromisos con el Acuerdo", *La Silla Vacía*, 13 March 2020, доступно по адресу: <https://lasillavacia.com/cuando-uribe-quiere-tumbar-jep-farc-redobla-compromisos-acuerdo-75815>).

154 См.: *Генеральная Ассамблея ООН*. Доклад Специального докладчика по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению ущерба и гарантиям недопущения нарушений, док. ООН А/74/147, 12 июля 2019 г., п. 32.

155 См.: Kieran McEvoy, Anna Bryson and Kevin Hearty, "Apologies, Armed Groups and Symbolic Redress", *Journal of Human Rights Practice*, 2021 (готовится к публикации).

156 Peter Taylor, *Provos: The IRA and Sinn Fein*, Bloomsbury, London, 1997, p. 66.

157 См.: Sarah Zukerman Daly, Laura Paler and Cyrus Samii, "Wartime Ties and the Social Logic of Crime", *Journal of Peace Research*, Vol. 57, No. 4, 2020.

158 Как было в случае с извинениями ЭТА в адрес «безответственных граждан»: L. Í. Álvarez (примечание 12 выше), p. 188.

бывшие бойцы выражали беспокойство по поводу того, что в сложившихся политических и правовых условиях приоритеты соответствующих мирных соглашений постоянно меняются из-за отсутствия комплексного подхода к оценке прошлого и недобросовестности части нового правительства. Это может повлечь последствия для психического здоровья бывших бойцов, создав проблемы, которые часто не решаются в долговременной перспективе. Все это может повлиять на вклад бывших бойцов в возмещение ущерба. Участие в механизмах правосудия переходного периода, таких как установление истины или возмещение ущерба, которые могут привести к определению конкретных лиц в качестве виновных и возложению на них ответственности за совершенные в прошлом нарушения, может лишь привлечь внимание к бывшим бойцам, желающим начать новую жизнь. Реинтеграция бывших бойцов в гражданскую жизнь может привести к социальным проблемам, поскольку они могут столкнуться с неприятием со стороны своих родственников или общин, дискриминацией или стигматизацией¹⁵⁹. При этом участие в возмещении может дать преимущества или повлечь за собой издержки, которые могут повлиять на некоторые из описанных проблем; участие в возмещении ущерба по крайней мере служит демонстрацией добросовестной готовности бывших участников вооруженных групп исправить допущенные в прошлом нарушения.

Преимущества и издержки, связанные с участием негосударственных вооруженных групп в возмещении ущерба

В период перехода от войны к миру НВГ, будь то в качестве политических органов или объединений бывших бойцов, могут выиграть от участия в возмещении ущерба и других процессах правосудия переходного периода. Возмещение ущерба бывшими бойцами и политическим крылом вооруженных групп может стать для них способом изменить мнение о себе и упростить социальную реинтеграцию. Оно может происходить не в результате внешнего давления, а исходить от самих членов группы и не обязательно должно сопровождаться мерами реагирования со стороны других ответственных лиц¹⁶⁰.

Возмещение ущерба может стать способом продолжить преобразование общества, которого отдельные группы надеялись добиться с оружием в руках; как отметила одна из командиров РВСК-АН, это еще один «инструмент для продолжения борьбы»¹⁶¹. Такое «идеологическое самоощущение» может стать важным источником личной заинтересованности бойцов в том, чтобы их вклад воспринимался как общественное благо или как часть неустанного труда ради улучшения жизни в их стране¹⁶². Один

159 См.: Grace Akello, “Reintegration of Amnestied LRA Ex-fighters and Survivors’ Resistance Acts in Acholiland, Northern Uganda”, *International Journal of Transitional Justice*, Vol. 13, No. 2, 2019.

160 Из беседы с бывшим бойцом Ольстерских добровольческих сил (примечание 150 выше).

161 Из беседы с женщиной-командиром из РВСК-АН (примечание 36 выше).

162 См.: K. McEvoy, A. Bryson and K. Hearty (примечание 156 выше).

бывший член группы лоялистов из Белфаста выступал за «возмещение ущерба на уровне общины» как за способ помочь тем, кто больше всего пострадал от насилия, справиться с «остаточными явлениями», такими как нищета, поскольку в противном случае «самосознание становится для людей гораздо важнее или затмевает для них все, если у них ничего больше нет... но если попытаться отнять у них это самосознание... это становится поводом для конфликта»¹⁶³. Кроме того, возмещение ущерба может стать для НВГ средством сохранить свою роль как политических и нравственных акторов и поддержать социальную активность по поводу своих обид и обид, нанесенных другим людям, поскольку «основополагающее значение возмещения ущерба состоит в том, чтобы устранить причины, вызвавшие конфликт»¹⁶⁴. С этим мнением согласилась женщина, состоявшая в рядах гватемальской вооруженной группы, заявив: «Мы были партизанами, теперь же мы помогаем жертвам справиться с последствиями войны. <...> Мы по-прежнему ведем борьбу»¹⁶⁵. Вооруженные группы могут оправдывать свою борьбу как средство изменить общество к лучшему, но при этом могут упускать из виду те преобразования, которые уже происходили до начала конфликта и были прерваны в результате насильственных действий, как произошло в Мозамбике и Перу¹⁶⁶.

В Непале некоторые партийные кадры и сторонники маоистов воспринимали потерю товарищей и исчезновение родственников как необходимую цену и продолжали борьбу за преобразование общества¹⁶⁷. Такая «война иными средствами» со стороны бывших бойцов может быть односторонней. Хотя изначально маоисты в Непале требовали выплаты компенсаций за убитых и пропавших без вести как за мучеников, ставших жертвами насилия со стороны государства, иногда они пытались отступить от тех, кого сами провозглашали пострадавшими, чтобы избежать ответственности за совершенные зверства. Например, в 2005 году маоисты подорвали автобус в долине Мади, в результате чего погибло 38 мирных жителей и еще 72 были ранены; после окончания войны один из маоистских вождей заключил сделку с жертвами: в обмен на отказ от поисков истины и отправления правосудия по поводу этого теракта им предлагались медицинские услуги, трудоустройство и пособие¹⁶⁸. Кроме того, в Непале исподтишка начались обсуждения разницы между гражданскими жертвами и «настоящими мучениками»¹⁶⁹ с точки зрения того, кому необходимо компенсировать ущерб в первую очередь, и местные маоистские вожди пере-

163 Из беседы с бывшим участником группы лоялистов, Белфаст, апрель 2018 г.

164 Из беседы с женщиной-командиром из РВСК-АН (примечание 36 выше).

165 Из беседы с женщиной, бывшей бойцом Гватемальского национального революционного объединения, Гватемала, май 2018 г.

166 J. M. Weinstein (примечание 59 выше), p. 3.

167 Kristine Eck, "Recruiting Rebels: Indoctrination and Political Education in Nepal", in M. Lawoti and A. Kumar Pahari (eds) (примечание 60 выше), p. 40.

168 "TRC Takes Exception to Dahal's Deal with Madi Blast Victims", *Kathmandu Post*, 6 December 2017.

169 Yvette Selim, "Examining Victims and Perpetrators in Post-Conflict Nepal", *International Review of Victimology*, Vol. 23, No. 3, 2017, p. 284.

направили средства в пользу бывших бойцов, которые были исключены из программ компенсации¹⁷⁰. Пострадавшие сопротивлялись происходящему: они воздвигли памятник, дали показания комиссии по установлению истины и потребовали привлечения виновных к ответственности¹⁷¹. В ответ на это маоисты стали угрожать убить оставшихся в живых, если те будут выдвигать неразумные требования¹⁷². Это свидетельствует о продолжении споров по поводу прошлых событий, политических заявлений и покровительства со стороны бывших вооруженных групп, которые могут представлять собой скорее риторику в попытке использовать пострадавших в преддверии выборов, нежели содействие правосудию в отношении тех, кого они считают жертвами¹⁷³.

В аналогичных рассуждениях и воззваниях бывшие бойцы и политические представители вооруженных групп могут быть не столь щедры к жертвам среди гражданского населения. Например, в ЮАР некоторые бывшие бойцы утверждали, что они как борцы с апартеидом в большей мере заслуживают поддержки, чем пострадавшие гражданские лица, которые, по их мнению, использовали борьбу за свободу ради получения личной финансовой выгоды¹⁷⁴. Программы возмещения ущерба должны осуществляться одновременно с программами реинтеграции, чтобы удовлетворить различные потребности гражданских лиц и бывших бойцов, однако гражданскими лицами часто пренебрегают. Это может означать, что на раннем этапе на реинтеграцию бывших бойцов может направляться больше средств, чтобы они не брались за оружие, или им может предоставляться более широкий доступ к услугам, чем гражданским лицам. Или же, если потребности бывших бойцов не удовлетворяются, они могут провозгласить себя жертвами и искать поддержки таким путем, что, например, допускается в Северной Ирландии¹⁷⁵.

Требования о возмещении ущерба со стороны жертв могут противоречить интересам вооруженной группы или версии событий в изложении ее политического крыла. Например, в 1990-е годы республиканцы в Северной Ирландии мобилизовали родственников пропавших без вести, требовавших предоставить информацию об останках родных; результатом стало публичное давление на партию «Шинн Фейн», которая пыталась

170 Yvette Selim, “Contestation and Resistance: The Politics of and around Transitional Justice in Nepal”, *Conflict, Security & Development*, Vol. 18, No. 1, 2018, p. 50.

171 Lucas Font and Julia Fernández Cadenas, “Nepal’s Civil War: ‘We Are Tired of Promises, We Need Justice’”, *Lacuna*, 13 November 2018.

172 “Madi — Prachanda’s Waterloo”, *Newsfront*, 25 June — 1 July 2007, p. 2.

173 Один из маоистских лидеров признал, что взрыв бомбы был серьезной ошибкой, но извинений не принес (“Guilty of Madi Bus Ambush Should Face Legal Action: Dahal”, *Kathmandu Post*, 5 November 2017).

174 Brandon Hamber, “The Dilemmas of Reparations: In Search of a Process-Driven Approach”, in Koen De Feyter, Stephan Parmentier, Marc Bossuyt and Paul Lemmens (eds), *Out of the Ashes: Reparation for Victims of Gross and Systematic Human Rights Violations*, Intersentia, Cambridge, 2009, p. 144.

175 Cheryl Lawther, “The Construction and Politicisation of Victimhood”, in Orla Lynch and Javier Argomaniz (eds), *Victims of Terrorism: A Comparative and Interdisciplinary Study*, Routledge, London, 2014.

совершить переход к миру¹⁷⁶. Увековечение и почтение памяти погибших в ходе конфликта также представляет собой серьезный источник разногласий, поскольку «политика трупов» может использоваться для оспаривания или подчеркивания избирательных трактовок прошлых событий¹⁷⁷. Такие споры и столкновения по поводу прошлого могут отрицательно повлиять на группу, лишая легитимности совершенные ею акты насилия, или укрепить ее позицию, подводя черту под вооруженной борьбой, которая осталась в прошлом, и помогая лидерам группы дистанцироваться от совершенного ранее насилия и продемонстрировать политическую щедрость. Такие сдвиги зависят не только от бывших бойцов, но и от государства и гражданского общества, если они позволяют легитимизировать различные версии прошлых событий и властные структуры по окончании конфликта. Однако со временем бывшие бойцы часто оказываются не такими добросовестными, и совершенное в прошлом насилие становится новым источником мета-конфликта; это насилие пытаются оспорить политическими средствами, чтобы запятнать другую сторону и преуменьшить значение общих ценностей¹⁷⁸. Кроме того, оно не дает забыть о коллективном статусе жертвы и о неутоленных обидах, которые могут послужить оправданием насилия для будущих поколений¹⁷⁹.

У негосударственных вооруженных групп и бывших бойцов может также возникнуть проблема, связанная с неспособностью обрабатывать и раскрывать информацию, взаимодействовать с пострадавшими и предоставлять символическую или материальную компенсацию. Как сказал один из бывших бойцов, который взаимодействует с жертвами, «мы знаем, как снести это здание, это для нас очень легкая задача, но вот построить маленький домик оказалось очень трудно»¹⁸⁰. Существуют пределы возможностей. В Ирландии республиканцы и их организации предприняли усилия, чтобы установить местонахождение пропавших без вести, однако им не удалось определить виновных в преследованиях, и участие в этом деле приняли не все причастные¹⁸¹. Поэтому важно осознавать разнообразие групп, а также предоставлять пространство и возможности для наращивания потенциала, чтобы они могли внести свой вклад в этот процесс. Для этого может потребоваться правовой механизм, в рамках которого бывшие бойцы могли бы по собственной инициативе признавать свою ответственность и компенсировать свои деяния в обмен на смягчение юридических последствий. Специальный суд по вопросам мира (*Jurisdicción Especial para la Paz*, JEP) в Колумбии до некоторой степени обеспечивает такой механизм,

176 Sandra Peake and Orla Lynch, “Victims of Irish Republican Paramilitary Violence: The Case of ‘The Disappeared’”, *Terrorism and Political Violence*, Vol. 28, No. 3, 2016, p. 469.

177 См.: Kevin Hearty, “Problematising Symbolic Reparation: ‘Complex Political Victims’, ‘Dead Body Politics’ and the Right to Remember”, *Social and Legal Studies*, Vol. 29, No. 3, 2020.

178 См.: Cheryl Lawther, “‘Let Me Tell You’: Transitional Justice, Victimhood and Dealing with a Contested Past”, *Social and Legal Studies*, 2020.

179 D. Bar-Tal et al. (примечание 126 выше).

180 Из беседы с бывшим командиром ливанских повстанцев, апрель 2018 г.

181 R. Dudai (примечание 7 выше), p. 801.

посредством которого участники РВСК-АН и Вооруженных сил Колумбии признали свою ответственность и были вынуждены внести коллективный вклад в возмещение ущерба в обмен на смягчение приговоров. Разумеется, Специальный суд по вопросам мира уделяет больше внимания коллективной ответственности группы и дополняется комиссией по установлению истины и программой возмещения ущерба, которых может не быть в иных условиях. Найти свой собственный баланс между полноценным наказанием и исправлением содеянного, вместо того чтобы копировать решения, которые работают при определенных условиях, и внедрять их в ином контексте, бывшим бойцам, жертвам и пострадавшим общинам должен помочь индивидуальный подход. В подобных механизмах необходимо будет предусмотреть возможность определять тех, кто в наибольшей мере отвечает за международные преступления, работать с теми, кто отказывается от участия в программе, и выдвигать определенные условия тем, кто мотивирован к тому, чтобы сознаться по собственной инициативе, такие как замена условного наказания реальным в случае поддержки продолжения насилия или участия в нем. Существует риск того, что в отсутствие определенных условий в связи с возмещением ущерба со стороны НВГ это возмещение может восприниматься как средство «откупиться» или заставить жертв замолчать¹⁸².

НВГ могут считать возмещение ущерба «ругательным» или незнакомым понятием, или выражением, которое ассоциируется с государством или колонизатором. Некоторые вооруженные группы, с которыми мы общались, иногда воспринимали возмещение ущерба как «карательную меру» — особенно одна ирландская республиканская группа, контактировавшая с членами организации «Страна басков и свобода» (Euskadi Ta Askatasuna, ЭТА), чье имущество было конфисковано в счет возмещения ущерба¹⁸³. Такое же отношение явно наблюдается в регионе Эфиопии Сомали, где эфиопское правительство ввело закон, принуждающий родственников и кланы членов НФОО выплатить компенсацию за погибших от рук НФОО¹⁸⁴. Если такие предложенные государством механизмы возмещения ущерба будут недобросовестно использоваться в качестве коллективного наказания, а не средства предоставления компенсации пострадавшим, это может отразиться на дальнейшем участии негосударственных вооруженных групп в этом процессе.

Рассуждения о каре за совершенные в прошлом деяния могут быть способом наложить на членов НВГ вторичное наказание под видом возмещения ущерба. Например, 25 лет назад одного из бывших командиров

182 Roger Petersen and Sarah Zukerman Daly, "Revenge or Reconciliation: Theory and Method of Emotions in the Context of Colombia's Peace Process", in Morten Bergsmo and Pablo Kalmanovitz (eds), *Law in Peace Negotiations*, Tokrel Opsahl, 2010, p. 272.

183 Из беседы с бывшим участником республиканской группы, Белфаст, июнь 2018 г.

184 Office of the Parliament, Somali Regional State, decisions passed in the 5th Session of the 3rd House of Parliament held from 22 to 24 December 1998, cited in Human Rights Watch, *Collective Punishment: War Crimes and Crimes against Humanity in the Ogaden Area of Ethiopia's Somali Regional State*, 2007, p. 96.

Революционного движения имени Тупака Амару приговорили к лишению свободы и одновременно с этим обязали выплатить компенсацию в размере 15 тыс. долларов. Во время пребывания в тюрьме и после своего освобождения два года назад он ежемесячно выплачивал по 30 долларов в счет возмещения ущерба, однако теперь его долг вместе с процентами составляет 300 тыс. долларов, и это для него неподъемная сумма. У его родственников тоже конфисковали имущество, и весь его заработок может быть изъят на основании судебного решения. Эти средства перечисляются не пострадавшим от действий его группы, а государству, которое уже возместило жертвам ущерб в рамках национальной программы компенсации. Такой подход приводит к нравственному упрощению и делению всего многообразия участников конфликта на злых виновников и невинных жертв, что приводит к еще большей изоляции и причиняет дополнительные страдания «смешанным жертвам», то есть виновным, которые сами пострадали¹⁸⁵. Важно отметить, что это не соответствует цели возмещения ущерба, который является не карательной мерой, а способом найти компромисс между различными интересами и компенсировать ошибки прошлого в рамках общих ценностей, который, возможно, поможет не допустить возобновления насилия в будущем. Подобная практика может предотвратить участие в этом насилии бывших бойцов, осознавших противоправность своих деяний.

Роль бывших бойцов и организации вооруженных групп в возмещении ущерба

Бывшие командиры вооруженных групп могут обеспечить преемственность и политическое руководство при решении сложных вопросов, связанных с прошлым. Лидеры НВГ могут пользоваться значительным нравственно-политическим авторитетом и иметь возможность выступать «от имени» своих общин, учитывая роль НВГ в борьбе за интересы своего населения, и ратовать за мир и правосудие переходного периода¹⁸⁶. Однако они не должны быть единственными представителями таких общин. Участие бывших командиров в принесении извинений, в признании ответственности и в установлении истины может придать вес и ценность серьезности процесса и его результатов. Тем не менее не исключено, что такое руководство с их стороны будет невозможно, поскольку вооруженная группа может прекратить свое существование, командиры могут погибнуть или перейти на сторону противника, что приведет к частичной потере импульса и прекращению участия в правосудии переходного периода¹⁸⁷. Группа может расколоться или столкнуться с угрозами со стороны диссидентов в связи

185 См.: L. Moffett (примечание 58 выше).

186 Kieran McEvoy and Peter Shirlow, "Re-imagining DDR: Ex-combatants, Leadership and Moral Agency in Conflict Transformation", *Theoretical Criminology*, Vol. 13, No. 1, 2009, p. 48.

187 R. Dudai (примечание 7 выше), p. 786; из беседы с бывшим участником республиканской группы (примечание 183 выше).

с вовлеченностью в процесс возмещения ущерба. Один из командиров движения «Сияющий путь» отозвался о бывших членах группы, которые ежемесячно производят выплаты в счет возмещения ущерба, как о «предателях дела»¹⁸⁸; это свидетельствует о том, что не все члены вооруженных групп готовы поддержать переход к миру или принять условия мира.

Важную роль в социальном возвращении бывших бойцов к гражданской жизни может сыграть реинтеграция, и возмещение ущерба может способствовать частичному уменьшению общественного недоверия и неприятия этих людей в обществе. Бывшие бойцы могут внести важный вклад в политическую мобилизацию общины и восстановление социального потенциала на местном уровне после окончания конфликта, и это свидетельствует в пользу необходимости их социальной реинтеграции¹⁸⁹. Процессы разоружения, демобилизации и реинтеграции подвергаются критике за то, что часто предполагают выплаты или создание экономических возможностей для бывших бойцов в отсутствие долговременной или стабильной работы над их социальной реинтеграцией¹⁹⁰. Кроме того, «реинтеграция» бывших бойцов может коренным образом не совпадать с их собственным представлением о себе как о политически мотивированных акторах, сражающихся за преобразование общества, особенно в свете прошлых страданий и оттеснения на обочину жизни, а также с их положением в качестве людей, выступающих от лица общины и транслирующих ее ценности¹⁹¹. Восприятие бывших бойцов как политических акторов и представителей общин может способствовать появлению у них чувства ответственности за исправление причиненного нарушениями вреда в силу совпадения с ценностями НВГ и более общими нормами. В то же время может возникнуть вопрос взаимности, поскольку члены НВГ не могут обеспечить возмещение ущерба в отсутствие серьезной вовлеченности государства и других акторов, как это было при проведении земельной реформы, за которую выступали РВСК-АН.

Опыт социальной реинтеграции бывших колумбийских бойцов показывает, что это может также повлиять на поддержку правосудия переходного периода с их стороны¹⁹². В тех случаях, когда бывшие бойцы признавались и принимались общиной, они с большей готовностью участвовали в подобных механизмах, но если их переводили дальше от мест, где проходили бои, и сохраняли их анонимность, они реже поддерживали процессы правосудия переходного периода¹⁹³. Участие в военных действиях может оказывать долговременное отрицательное влияние на восприятие бывшими бойцами разрешения конфликта и на их вовлеченность в этот

188 Из беседы с командиром движения «Сияющий путь», Лима, май 2019 г.

189 В. Rolston (примечание 117 выше), p. 266.

190 Ibid., pp. 263–265.

191 K. McEvoy and P. Shirlow (примечание 186 выше), p. 33.

192 Sarah Zukerman Daly, “Determinants of Ex-Combatants’ Attitudes toward Transitional Justice in Colombia”, *Conflict Management and Peace Science*, Vol. 35, No. 6, 2018, p. 669.

193 Ibid., pp. 669–670.

процесс¹⁹⁴. Кроме того, процессы разоружения, демобилизации и реинтеграции не способствуют социализации бывших бойцов и принятию ими норм гражданского правосудия¹⁹⁵. Поощрение коллективной организации вооруженной группы к возмещению ущерба может оказаться более продуктивным, чем возложение этой ответственности на отдельных осужденных членов группы. За счет своих социальных связей и человеческого потенциала НВГ может мобилизовать большее количество ресурсов для участия в возмещении ущерба. В период конфликта, когда вооруженная группа еще существует в военном плане, имеет смысл говорить о коллективных юридических обязательствах, однако по окончании военных действий, возможно, лучше будет не столько заявлять об обязательствах, сколько мотивировать бывших членов группы к определенному вкладу в обмен на смягчение приговора или предоставление иммунитета, как было сделано для получения информации от республиканских НВГ, чтобы разыскать пропавших без вести в Ирландии¹⁹⁶. Это служит отражением иерархии обязательств с точки зрения вооруженных групп и дополняющей роли государственных программ возмещения ущерба.

Заключение

Возмещение ущерба — это процесс, смысл которого состоит в том, чтобы помочь жертвам и ответственным акторам найти баланс между конкурирующими интересами, чтобы исправить нанесенный вред. Право прав человека предполагает максимально возможное «полное возмещение». Однако в большинстве механизмов компенсации предпринимается попытка найти более реалистичный критерий, позволяющий не только исправить причиненный жертвам вред, но и вновь интегрировать в общество виновных в его причинении. Негосударственные вооруженные группы как ответственные акторы могут внести важный вклад в признание и облегчение страданий жертв. В то время как объем обязательств негосударственных вооруженных групп по возмещению ущерба в рамках международного права остается спорным, эти группы принимают подобные меры, однако их мотивы и масштаб могут сильно различаться. Иерархия обязательств по возмещению ущерба может отражать различия в возможностях негосударственных вооруженных групп по устранению вреда, причиненного ими в ходе конфликта, наряду с обязательствами государств обеспечить программы компенсации для всех пострадавших. В подобных ситуациях устранение нарушений за счет компенсации ущерба может принимать идеологическую окраску, поскольку негосударственная вооруженная группа будет реали-

194 Guy Grossman, Devorah Manekin and Dan Miodownik, “The Political Legacies of Combat: Attitudes toward War and Peace Among Israeli Ex-Combatants”, *International Organization*, Vol. 69, No. 4, 2015, p. 1003.

195 S. Zukerman Daly (примечание 192 выше), p. 670.

196 См.: Kieran McEvoy and Heather Conway, “The Dead, the Law, and the Politics of the Past”, *Journal of Law and Society*, Vol. 31, No. 4, 2004.

зывать свои политические цели и осуществлять управление, а заодно и приносить некоторую практическую пользу в виде поддержки общин и улучшения восприятия вооруженной группы в обществе. Остаются трудности, связанные с тем, чтобы заставить такие группы возполнить ущерб, нанесенный «другой стороне», однако по окончании конфликта, очевидно, есть пространство для решения этой задачи — это показывает работа, проведенная Специальным судом по вопросам мира в Колумбии. В ходе конфликта в кодексы поведения негосударственных вооруженных групп или иные регламенты можно включать нормы, касающиеся возмещения ущерба или даже средств защиты от нарушений актов о принятии обязательства организации Geneva Call¹⁹⁷.

Возмещение ущерба открывает для жертв, общин и гуманитарных акторов возможности вовлечь негосударственные вооруженные группы в осмысление своих действий и создать условия, в которых такие нарушения не будет повторяться. С точки зрения обеспечения подотчетности возмещение ущерба выходит за рамки установления ответственности на основе процедурного аспекта подотчетности¹⁹⁸, то есть заслушивания объяснений, которые дают НВГ в отношении своих действий тем, кто от них пострадал. Рассуждения о возмещении ущерба могут помочь вооруженным группам сформулировать свои нравственные и политические цели, продемонстрировать свою руководящую роль в тех политических сообществах, от имени которых, по их словам, они выступают, обеспечить свою нормальную социальную реинтеграцию и укрепить нормы подотчетности. В конечном счете возмещение ущерба дает вооруженным акторам средство борьбы за преобразование общества без применения оружия — за счет исправления собственных злодеяний.

197 См.: Ezequiel Heffes, “Responsible Groups: Reparations and Compliance in Non-International Armed Conflicts”, *Journal of Human Rights Practice*, готовится к публикации.

198 К. Fortin (примечание 10 выше), p. 161.

